

Владимир Романов

Поэты и их стихи

Пародии и шаржи

Том 4

Валерий Нугатов

Слава Богу, есть еще нечитанные книги
и цвета, к которым сердце не привыкло.
Замки на мысу, сукно, миндаль и блики,
города в мостах или соборы в иглах.
Давняя тоска свой блеск безмолвный ширит:
мечущейся точке не объять пейзажа.
И, под умный стук пенендзовой цифири
вглядываясь в мрак, мы видим место наше.
Мы не рвали книг, картинок не копили,
наша вера хрупче и сильнее бумаги:
видишь, как текут в Ла-Манш автомобили,
как смывает снег огни родной Гааги?
Мы вернулись: стол накрыт, но стены голы;
тема разговора ускользает... Слава
Богу, что туман спускается на город,
и ночная мошка гибнет величаво.

Владимир Ром

Тоска Вам блеск безмолвный ширит,
Что глазом не объять пейзажа.
Во мраке видите место Ваше,
Что вера посильней бумаги,
Снег смысл огни Гааги.
Через Ламанш плывут автомобили
И мошки гибнут величаво, где Вы были.
А Бога славите за то, что города в мостах,
Соборы в иглах,
Нечитанные книги есть,
Цвета, к которым сердце не привыкнет

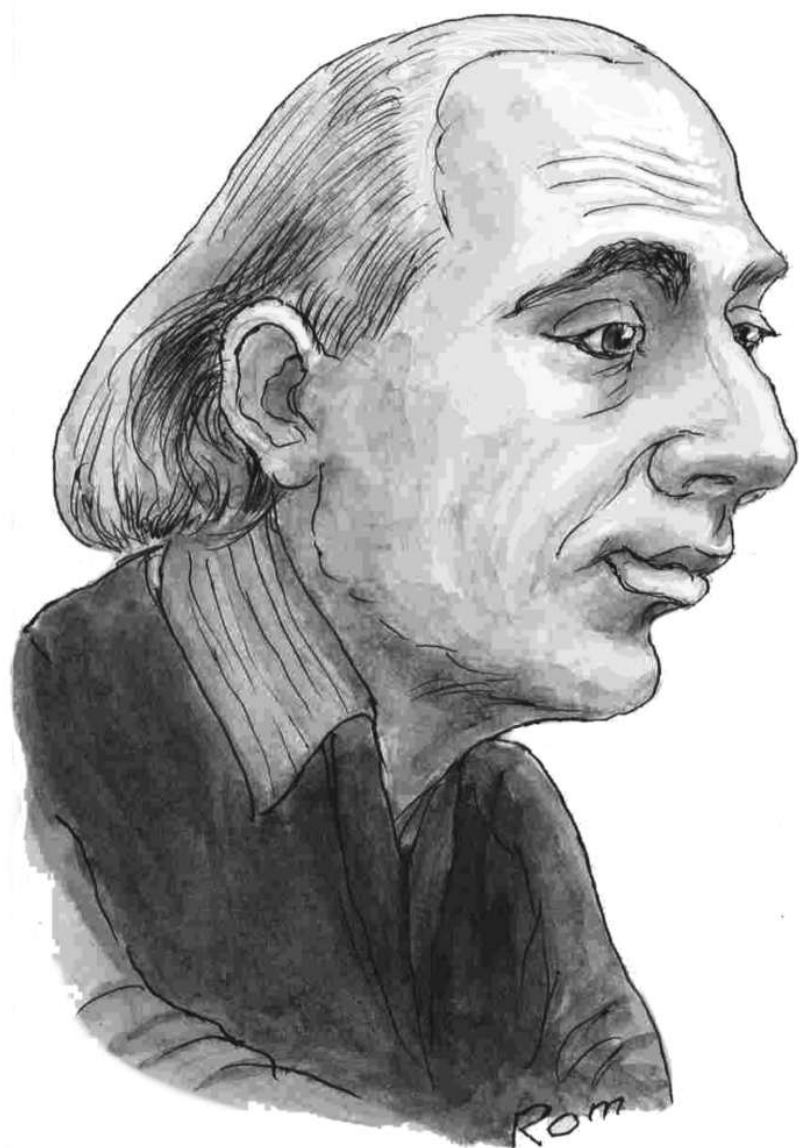

Валерий Черешня

Все в мире для человека создано:
Облака, с мягкими белыми брюшками
Проворная дева - река
Душу волнуют и любят,
Будто родная мать.
Взгляд оторвать невозможно
Лежать в траве и вдыхать,
Вбирать пряной магии травы,
Распаренный дух цветов
И солнце - в небесной оправе
Как сотни янтарных костров
Целительным жаром тело
Обдаст, изгоняя тень,
Очистив твои подвалы
До архаичных недр.
А в сумерках стрекот цикадный
Располагает поспать.
Как мало для счастья надо
Лишь стоит однажды понять.

Владимир Ром

Как очищать свои подвалы
До архаичных недр,
Валерий стихами подскажет,
Не открывая рта.
Вдыхайте пряной магии травы,
Спокойно лежите в траве,
Слушая стрекот цикадный,
Смотрите на облака.
Душу взволнует полюбит
Проворная дева река.
Большого не придумать,
Идиллия так хороша.

Валерий Шубинский

„Запрягайте бричку, и я поеду”.
Раздвигаются облака, рождается синева.
Навстречу твоему кольцевому бреду
Клонится повинная голова.

Что это за синева? Не смотрит ли это мастер
Из завоеванной тобою страны?
Пули его из золота. Той же масти
Волосы жизни, его жены.

Владимир Ром

Мчится Валерий в бричке
Сквозь синеву, облака
К своему кольцевому бреду.
Повинную голову склоня.

Масть у жены золотая
Из завоёванной страны.
Мастер как пули сбивает,
Волосы жизни жены.

Валерий Юхимов

некто, решивший, что есть зер гут и арбайтен в субботу
нихт —

устал. долгий путь и тяжелый труд — от них
сухость в горле и пульс шалит — годы не те,
чтобы царствие на земле строить на мерзлоте.

свет от тьмы отделять кайлом и крышевать от воды
твердь,

затем, семя пролить на холодный холм, иметь
спички в сухости, чтобы дым привлёк жар огня
и плоть, взошедшую поутру обжечь — не свинья,

чтобы шмалить до вони. потом остудить пыл и
протереть слюной рот,
а если что-то и позабыл — так это что безбород.
вручить кайло, чтобы хлеб добывал, цитатник
заповедей...

шолом шаббат и арбайтен нихт делать этих людей.

Владимир Ром

Чувствуется, что тем самым кайлом
Вы накопили стихи.

Свет от тьмы отделять старались,
От воды крышевали твердь.

Семя посеяли на холодный холм.
Замки построили на мерзлоте.

До вони шмалили свинью,
Пыл остудив и рот протерев слюной,
Шолом шаббат и арбайтен нихт про людей,
Читающих Ваш застой.

Валерия Еремеева

Как сложно выразить порою
Все то, о чем поет душа!
И вот лиричною строкою
Ложится песня не спеша...

Владимир Ром

О чем поёт Твоя душа,
Понять легко порою.
Поется песня не спеша,
Та, что начертана Тобою

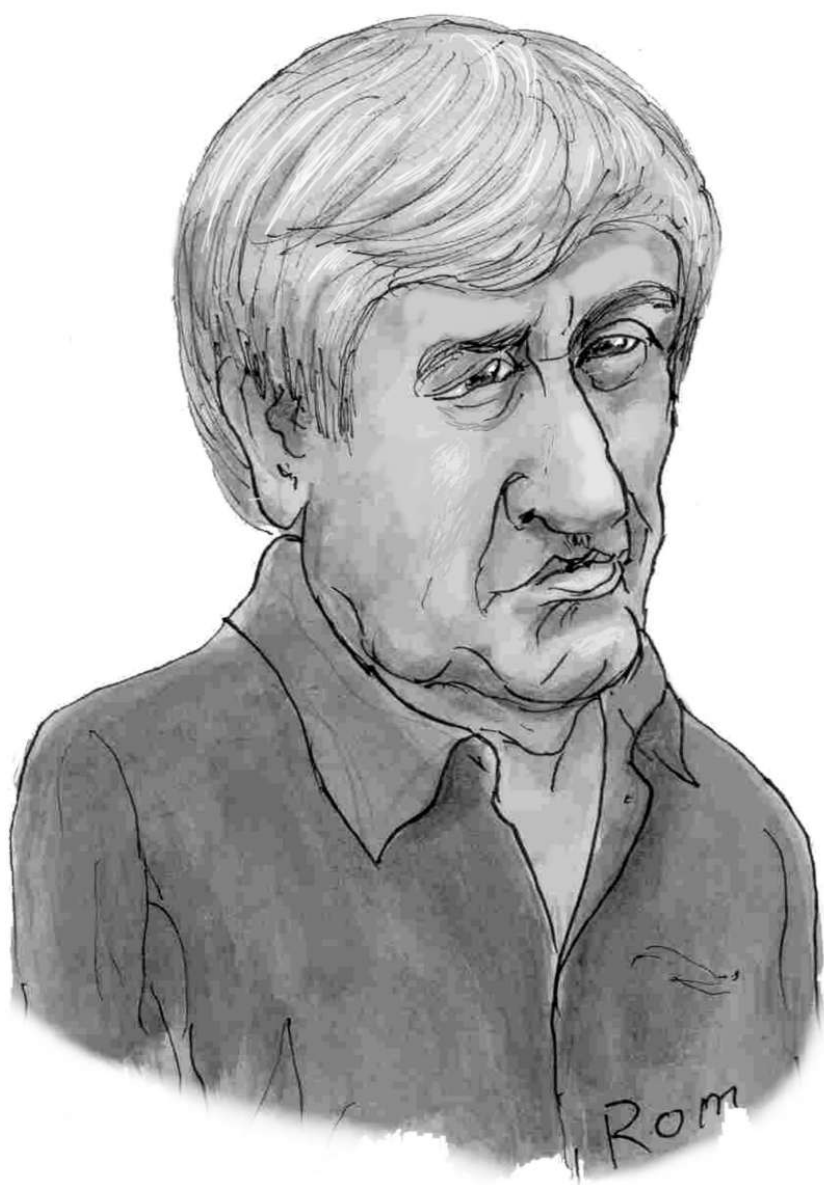

Вальдемар Вебер

Мертвецы выходят к обочине дороги,
зовут в темноту,
к своему костру,
побеседовать по душам.
Но их костер не греет,
я мерзну,
а им хоть бы хны,
им что ветер, что дождь.
Не выходит у нас разговора.

Владимир Ром

Разговор с мертвецами у костра в темноте,
Можно замерзнуть и в большой жаре.
На ночь молитву возьми прочитай,
Без привидений всегда засыпай.

Василий Бородин

мы дома: как роща в четверг тяжела!
ворона снимает два белых крыла
и всем предлагает; никто не берёт
один только ангел выходит вперёд

в руках с башмаком
в башмаке -- муравьи
встречаясь знакомясь
идут по своим

Владимир Ром
Наверно большая была бы беда,
Два белых крыла было б у муравья.
Ангел ворону за крылья берет
И башмаками выходит вперёд.

Василий Кондратьев

Забыть навсегда тебя я пытаюсь,
Разрушить твой образ в сердце моём!
Быть я с тобой с того момента мечтаю,
Когда впервые поймал твой пламенный взгляд!
Как же устал ждать я ответа,
Снова встречать проклятый рассвет!
Ведь любовь твоя словно комета
Разрушает нещадно чужие сердца!
Но забыть навсегда тебя я пытаюсь,
Хоть и прошло уже семнадцать лет.
Видеть тебя я с собой продолжаю,
А ведь это всего лишь сон.
Мои мечты угасают
И жизнь подходит к концу.
Забыть твой взгляд я желаю,
Ведь он разрушил жизнь мою!

Владимир Ром

Мечтать о той, которая не хочет,
Любить тебя и быть с тобой.
Не суждено тебе наверно Богом.
Смириться надо бы с судьбой такой.
В прошедшие семнадцать лет
Понять достаточно ты мог,
Что создана она для тех,
Кто щедро платит за любовь.
Её любовь, словно комета,
Сегодня здесь, а завтра там,
Где не закрыта для неё дорога,
К не тронутым глупым сердцам

Василий Ломакин

Дворы исполнены горящими дворцами
Дворцы исполнены горящими ларцами
И мы обнявшись со своими мертвецами
И будем Родина сама
И счастье побежит нестрашными шагами
За нашими несчастными сердцами
За край земли, за грань ума

Владимир Ром

За край земли, за грань ума не надо убегать,
Тем более с несчастными сердцами.
И счастье никуда не убежит от Вас,
Хоть и обнялись Вы с своими мертвецами.
У “новых русских” Родина исполнена высотными
дворцами,
Дворцы заполнены торговыми ларьками.

Василий Филиппов

О чем говорить, если сказано все.
О чем, если чаша пустая,
Полная когда-то вином,
Золотая.
или
Тихо, Господи, тихо
Так что хрустит на зубах повилика
Дико
В этом мире
Но я не один
Со мной моя комната
И книги
Толстые тома
Словно дома
Где скрывается тьма
Город где живые письма
Ходят по улице часы
Носят нательные кресты.

Владимир Ром

Дико хрустит на зубах повилика,
Книги столпились словно дома.
Чаша пустая, хотя золотая
И без воды, и без вина.
Он не один, с ним большая комета
Письма живые в город несёт.
Ходят по улице часы золотые,
С нательными крестами, как весь народ

Василий Чепелев

“Кто-то кричит...” Рушится пыль, чужие дрожат колени.
“Так быстро?” — шепотом, дергая за рукав.
Аккуратненький мальчик не хочет идти домой
И выслушивать за обедом запоздалые заявления.
А — вдыхает настои болезненных пряных трав.
Прав: в них и во всем; еще и купание, и погружение с головой.
Я оценил, расценил — благополучно. Освобождается от
культуры с...
Многоточие, прочерк. Упреки. Ослабление и необычный тон.
Живот мягкий. Композиция рухнет каплями пота.
Ищу направление им куда-нибудь. Лучше вниз.
Проводник снимает свое белье и закрывает вагон.
Наконец-то он без погон, без звезды, лишь на лбу и плечах
блистает
влюбленная позолота

Владимир Ром

Василий писал, когда “Кто-то кричал”,
Шепотом, дергая за рукав, “Так быстро?”
Рушилась пыль, дрожали чужие колени,
В вдохновении не чувствовал лени.
Аккуратненький мальчик не хотел идти домой,
Слушать бредни родни за обедом.
Но, был прав, когда быстро вдыхал
“Болезненные” настои из пряных трав.
Оценил, расценил, с головой погружаясь в купанье.
И отмылся от глупой культуры в сознание.
Композиция рухнула каплями пота,
Ослабление, живот мягкий издавал что-то необычное,
Как бы пропадом вниз ощущал направление.
Проводник, чуя запах, снимал всё бельё,
С позолотой на лбу от волнения.

Вера Сажина

Мои ненаглядные
С глазами колокольчиками
Улыбкой алых губ
Зовущие вдаль.

Из милой далекой страны
С чистым взглядом небес
С красивым станом.
И очень притягательные

Валяемся мы в пыли как псы
Ваши волосы ореолами орхидей
Пылают в нескольких зеркалах
Корыт косиц жутких
С лицом цапли-журавля
Лунного рыбака льда
Камня твердого солнца.

Владимир Ром
Зовут Веру в даль мечты ненаглядные,
Глазами колокольчиками с красивым стройным станом.
Взирая чистым взглядом с дальних небес,
Улыбкой притягательной из алых губ.

С лицом цапли-журавля, с милым как с собакой,
Валялись в пыли, раскинув волосы ореолами орхидей.
Взирая на лунного рыбака льда
И на камня твёрдого солнца.

Вероника Боде

В безумном покопается мешке
и вытащит блокнот или конфету.
Ей просто путешествовать по свету:
в сабвее, на хайвее, налегке.

А раньше не меняла города,
не проводила ночи на вокзале,
и если бы ей это рассказали,
она бы не поверила тогда.

Но кто же знал, что смертные летают,
что их волна воздушная несет,
что жизнь такую легкость обретает,
что смерть такую легкость обретет.

Владимир Ром

Жизнь и судьба, как лотерея,
Что вытащишь и что возьмешь.
В безумном покопаясь мешочке
И жизнь, иль смерть лихую обретёшь

Вероника Самойлова

Знаешь, любимый, я - королева,
Нежна и прекрасна, как первая Ева,
Но с королевой, смотри наперед,
Ждет тебя трон, или ждет эшафот.

Знаешь, хороший, я - твоя тайна,
И наша дружба, была не случайна,
Ты покрывало с души приподнял,
И моё сердце и тело познал.

Знаешь, родной мой, я - твоя встреча,
За этой встречей - хмуриться вечность,
Следом за ними - надежды и звезды,
Это мечты наши и наши грезы...

Мир лишь для нас. И всё неповторимо
Я - твоя верность, ты - мой любимый,
Мы - навсегда, без потерь и без гнева,
Ах, мой король, я твоя - королева!

...но с королевой...кто женщин поймет...
Ждет тебя трон...или все ж эшафот..))

Владимир Ром

Душой прочитал королевы стихи
И понял, что Ты королева любви.
Кто сердце твоё и тело познал,
На миг королём и себя осознал.

Вечеслав Казакевич

Наплясался на окнах закат до упаду.
Магазин во дворе уже закрыли.
Кошка жрёт большую живую цикаду,
что скребёт по асфальту остатком крыльев.

Обхожу стороной этот шум и свалку,
по-японски спокоен, замкнут, воспитан,
говорю цикаде: «Как жалко!»
и кошке: «Приятного аппетита!»

Владимир Ром

Обходя стороной грозный шум и свалку
И стараясь быть вежливым,
По-японски склоняясь.
Замечает коту, жующего живую цикаду.
“Приятного аппетита”, разрешите пройду.
И спокойно с слезою тихо твердит,
Лишь останкам цикады “Как жалко, как жалко”

Викентий Нилин

ЗАЧЕМ ЕВРЕЕМ НЕ РОДИЛСЯ Я?
РАБОТАЛ БЫ В ТОРГОВЛЕ, И БЫЛА БЫ
МОЯ СЫТА И СЧАСТЛИВА СЕМЬЯ...
А ТУТ - ПЕНЯЙ ЛИШЬ НА СВОЮ НАТУРУ
ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ КОРМИТЬ СЕМЬЮ
СИЖУ, ТОЧУ СКУЛЬПТУРУ...

Владимир Ром

Такая у тебя натура,
Что точишь ты свою скульптуру.
Клянет тебя голодная твоя семья.
А был бы ты евреем,
Тебя с семьёй всем миром,
Люди проклинали, за то,
Что предали Христа.

Виктор Ефимов

Нельзя любить ангелов. Все они
Очерчены белым кругом. Внутри
Них – всеистребляющая радиация
И лишь за их пределами их благодать. Любить
Можно лишь падших поглотивших свет, но не
Отдающих его за пределы черных кругов
И манящих в них как в черные дыры
(Ранее бывшие звездами) – души тех кто не любит
Нельзя любить ангелов, но их от этого больше
И скоро тень их ресниц
Покроет, как ночь, пол-земли, накрывая
Тех от Суда кто их и не любит.

Владимир Ром

Вы так не любите ангелов,
Чем насолили Вам они?
Любите только падших,
Отдающих свет за чёрные круги.
В чёрных кругах наверно
Течёт Ваша прыткая жизнь.
Желаете Вы напрасно
Её повторять другим.

Виктор Иванов

Над Россией - пальцы всером
Растопырила блатня.
Что ей наше поле с клевером,
Деревенька в три плетня.

Ободрали, как лукошечку
И поставили на кон.
Делят Родину под водочку
За бойницами хором.

Где ж ты поле правовое?
Нет его - и нету прав.
Только горюшко лихое
Чешет гривы сорных трав.

Не чужая ведь сторонushка...
Да кручиной обгорожена.
Только буйная головушка
Думой горькой заворожена.

Было поле Куликово.
Было и Бородино.
И держали предки слово:
Торговать землей грешно.

А иуды поле сдали
За мистический туман,
Чтоб мы в нём не увидали
"Перестроечный" обман.

Жадный люд пришёл с опутинкой
И торчит на стороже.
Повязали всё до тютельки
Да видали мы хужей.

Но землицу, тля содомская,
Ты, пожалуйста, не тронь.
Обожжётся, тьма бесовская
О молитвенный огонь.

Владимир Ром
Вы блестяще описали,
Как нехристи разграбили страну
И как на Куликовом и Бородино народ
Сражался за Отчизну.

Но, про Вторую мировую
Позабыли указать.
Когда всю землю окропили
Кровушкой за Родину-мать.

А народу Вы вселили
Тьму бесовскую сгубить
И молитвенным огнём Российским
Нечисть чёрную побить.

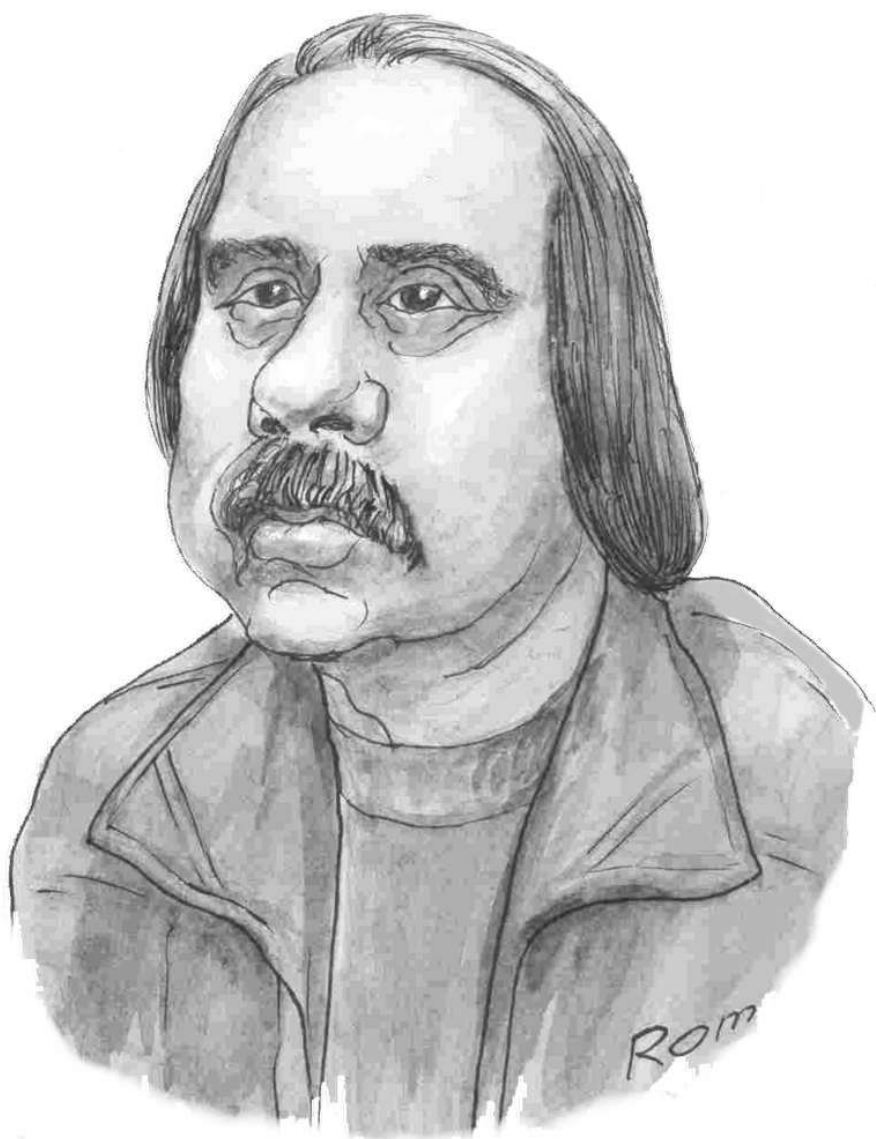

Виктор Коваль

Не пытайся, не добьешься
Ты того потенциала,
Что у Бога расположен
В глубине его сознания;
Потому как невозможно
Понять то, что непонятно,
Не познав даже вначале
Всей любви этого мира;
Широты этого сердца,
Что под нами расположен;
И топча его ногами,
И кидая в него камни,
Не поймём и до конца мы
Это женское начало;
Что
Колыбель качает жизни
В отцовском доме мироздания!

Владимир Ром

Слушая совет поэта,
Я пытался добивался.
Всё понять и разобраться,
Что его так донимало
До его потенциала.
Как посмел затронуть Бога,
Глубину его сознания.
И в стихах своих придумать
Это женское начало.
Закидать его камнями
И топтать еще ногами.
Ширину большого сердца
И любовь этого мира.

Виктор Коркия

Одна из пятниц на неделе,
когда во рту слегка горчит,
и хочется побыть в постели,
и телефон с утра молчит.

Одна из пятниц тех ленивых,
когда больные не больны,
когда на счастье всех счастливых
в своей неволе мы вольны.

Одна из пятниц тех печальных,
когда без видимых причин
мне жалко женщин идеальных
и жалко роковых мужчин.

Владимир Ром

Открыл наш Виктор в самом деле,
Что пятница одна в неделе.
Что все вольны даже в неволе,
Когда больные не больны.

И хочется побыть в постели,
Когда без видимых причин,
Жалеть всех женщин идеальных,
И с ними роковых мужчин.

Виктор Крувилин

В окружении гипсовых слепков
среди белого мира живу, холод белых ночей
на лице ощущаю посмертный, ничей,
в кожу влипшийся цепко.

Ото лба не отнять и со щек не стереть.

Я с бесцветным сливаюсь и хладным...

Где же грань между мною и мертвой материей? смерть?

-

Но живу среди нежити белой, стараясь согреть
онемевшие формы дыханьем и взглядом.

Вот и все, что возможно. Потом - тишина.

Воздух полон известки и мела.

Город - маска прижался к лицу,
с бледной пылью слились имена
голых улиц, ушедших друзей...Но тесна
мне белесая мгла без предела

Владимир Ром

Как точно сказано “мгла без предела”,
Видно сильно голова болела,
Когда слился с бесцветным и холодным,
Онемевшее согревая дыханьем и взглядом.

Воздух полон известки и мела,
В окружении гипсовых слепков,
Маски смотрят безмолвно посмертно,
В кожу влившийся цепко.

Вы энергию жизни давали,
Когда их торопясь создавали.
Вот и грань между ними и Вами,
Ощущение взглядов мозгами.

Виктор Летцев

Что бредешь
Как заблудившееся дерево
Когда весна и зимы
проходят мимо
Открывай
свою печальную сердцевину
Будем глотать
напряженный воздух
Будем жалеть рассеченных коней
полуумных птиц
Будем праздновать частичность
укромное счастье.

Владимир Ром

Когда весна и зимы проходят мимо
И заблудшее дерево из леса бредет,
Не глотай напряженный воздух,
Открывая печальной сердцевины рот.

И отпразднуй частичность укромного счастья,
Пожалей рассечённых корней полоумных птиц,
И не пей алкогольное зелье в веселье,
Меру знай и не падай ниц.

Виктор Полещук

Еще ближе, милая. Твой декабризм не исчерпывается 1825—1852 годами.

Он идет ко мне сквозь аромат тургеневских девушек
и беззаветное мученичество Сонечки Мармеладовой,
сквозь разночинок, блудных и праведных дочерей революции,
и колхозниц, воем вывших над дохлым мерином,
последним кормильцем раскулаченного семейства,
сквозь наших бесконечных филологинь и химичек,
сумасбродных училок и помрежей,
давно уже не кичащихся своей интеллигентностью,
до того она окровавлена,
сквозь старых вешалок, швабр, лахудр, зареванных коров,
от безрыбья так порой экспериментирующих перед зеркалом,
что вздрогнули бы и панки,
сквозь жестяных старух, с полуоборота раскручивающих в очереди
ожесточенные жернова скандала,
сквозь кости, усыпанные от Владивостока до Кенигсберга:
“Деточка моя, если б я знала, что ты будешь счастлива, как я умру,
я бы сейчас и умерла”.
В слове Родина столько горячих слез,
что эту живительную боль не избыть и на жизнь вперед.
Я долго держал свой талант в черном теле,
и носил его, как безумная Ксения Некрасова
мертвого ребенка
под военным московским небом

Владимир Ром

Все тяготы Российской жизни
О женской доли вставили в стихи.
Всё негативное, что им досталось,
В литературе за два века Вы прочли.

Но, в жизни есть и позитивы,
И ради них живёт и развивается Страна.
Если бы все было так плохо,
Давно погибла бы она.

Виктор Санчук

Я этот мир собрал из чепухи, —
из шелухи названий и имён,
чтоб, как вовне, не увядать и в нём,
где пустырями правят лопухи, —
чертополохом, тишиной травы...
Так пей же всласть хмельное время-мёд!
Спасение как тень произойдёт
под сенью доморощенной листвы.
Я вещей ложью слов обжѣг гортань.
Мне больно сделать истины глоток.
И пыльная со мной сжилась герань,
как вражья власть с землёю чуждых стран.
Так брось же, брось мне через океан —
размером с небо огненный цветок!

Владимир Ром

Хотите огненный цветок
Размером с небо через океан,
Чтоб сделать истины глоток
И не обжечь гортань.

Пить всласть хмельное время — мед
Под сенью доморощенной листвы
И ждать, когда произойдет
Спасение от чепухи.

Мир не пустота, где правят лопухи.
Не шелуха названий и имён.
А каменные джунгли — полигон,
Где правит тот, кто всех богаче и силён.

Виктор Соснора

Я думаю, что думать ни к чему.
Все выдуманно, — я смешон и стар.
И нет удела ничьему уму.
Нас перебили всех по одному,
порфиноносцев журавлиных стай.
Ты — кормчий, не попавший на корму,
мистификатор солнца и суган...
Устал.

Яд белены в ушах моей души.
Бесчувственные бельма на ногтях.
Хохочешь — тоже слушать не хотят.
Не мстят, а молятся карандаши:
— Мы — рыбы, загнанные в камыши
(общеизвестна рыба нагота!).
Любую ноту нынче напиши, —
не та!
Вот улей — храм убийства и жратвы.
Ты, демон меда, ты пуглив и глуп,
ты — трутень, все играющий в игру
бирюльки и воздушные шары,
ты только вытанцовывал икру
и улью оплодотворял уют.
Но всунут медицинскую иглу, —
убьют.

Владимир Ром
Мистификатор солнца, ты устал,
Не хочешь думать, мысли ни к чему.
Как кормчий на корму ты не попал
И нет удела твоему уму.

Яд белены в ушах твоей души,
Бесчувственные бельма на ногтях.
Сидишь, как загнанная рыба в камышах,
Боишься, что поджарят и в стихах.

Хочешь, как трутень кушать на халяву мёд,
Оплодотворять кого-то без хлопот.
Боишься медицинскую иглу,
Завистники сгубят твою судьбу.

Виктория Орти

К Тебе обращаюсь, поскольку энное
время молитвы и мне отпущено.
Склони чело, я брякнусь бренными
коленями на пол (для пользы пущей).

Пока я живу и жилка бьётся,
лелею сына, ласкаю воздух,
не стою забот.
Даже если придётся
вздых поменять на роздых.

Но после отбытия в мир озаренный,
не дай мне слоняться по райским кушам
девою в белом, а сделай белым
кустом на дороге, в гору ведущей.

Владимир Ром

Кустом на дороге в гору ведущей,
Желаешь уйти в мир озарённый.
Не лучше ли Бога просить лишь о том,
Чтоб Мир нашим детям хранил на свете этом.

Вилли Мельников

Грезно горек на горе Кармель
Недозревший плод самообманго.
Посадил ковчег на кара-мель
Капитан второго бумеранга,
Раздробилъе неделишних глаз,
И строй(цели)бат—почти у цели;
И в утопке не горит фри-лав,
Если маки рвал Макиавелли.
Год кобылы любит ход конем,
Ветербург—надменная Коломна.
«Что в гостеприимени моем,
Раз пророчеств отчество бездомно?
И на озаревности скачок
Подсознахарь не дает отсрочки.
В оболочке радужной—зрачок;
Радуга ж не знает оболочки.
Извержерла вырвала слегка
Пики из-под облачной опеки,
Эпизодчий строит на века
Плоско-пластелиповые Мекки.

Владимир Ром

Ясно, начертал стихи самообманга,
Как капитан второго бумеранга.
Раздробилъе неделишних глаз,
Приплёл Макиавелли враз.
В год кобылы сделал ход конём
В Ветербург в горячей скачке.
Раз пророчество отчество бездомно,
В гостеприимене заботливом твоём.
На озаревности свершил скачок,
В оболочке радужной зрачок.
Подсознахорь не дает отсрочки,
Извержалу вырвать два лубка.
Эпизодчий лепит пластилином
Мекки из-под облачной опеки.

Вита Корнеева

Хорошо иметь друзей:
В дружбе жить - всего важней!
Пой с друзьями и танцуй,
Плавай, прыгай и рисуй!

И, конечно, не забудь -
Сам надежным другом будь!
Не бросай друзей в беде -
Рядом с ними будь везде!

Их всегда оберегай,
С днем рожденья поздравляй!
И тогда поймешь ты, друг,
Как прекрасен мир вокруг!

Владимир Ром

В дружбе жить конечно надо,
Не по пьяни, не за грош,
Не за пылкие объятья,
А за то, что с ним живёшь.

Виталий Лехциер

Круглый год утряска и уборка,
и укладка по углам
(в детстве порка
за бедлам).
Всё — подкорка!
Вот посылка:
всё решается, конечно, безотчётно,
автоматом.
Быстро, пылко
сплюнуть матом.

Владимир Ром

Круглый год утряски и уборки
И стоянки смирно по углам.
Детство было далеко не сахар,
Вот и сплюнул автоматом матом.

Владимир Андреев

Примолкла лесная опушка.
Какая случилась беда?
Да нет! Это врунья-кукушка
Кому-то считает года.
Притихла на ветке чечетка,
И дятел застыл на суку:
По лесу размеренно-четко
Плывет роковое “ку-ку”.
Ах, птаха, такая-сякая!
Коль верят все в эту муру,
Кукуй же, кукуй, не смолкая!
Я тоже, авось, не умру!
Ведь это ж нелепица! Шутка!
Ведь в пении птица вольна!..
Но, право, становится жутко,
Когда замолкает она.

Владимир Ром

Вы тоже как все суеверны,
Веря народной молве,
Дрожите, услышав кукушку,
Как приговор в своей судьбе.

Владимир Аристов

Я пересчитывал людей на нынешней войне
И раздвигались лица чуждых жизней,
Как будто нежная и жаркая долина
Все ниже уходила в медленном полете,
И заволакивало просторы
Губной обтянутою синевой посмертной.

Владимир Ром

Не сосчитать людей, отправленных на смерть,
Геройски или попросту погибших.
Их лица чуждых или близких жизней,
Уходят в медленном полете из памяти людей.

Владимир Бауэр

Стократ благородней тот,
кто не скажет при блеске молнии:
"Вот она, наша жизнь".

Басе

И мы, сменившие высоты
торжественные на остроты,
торчмя торчащие, увы,
когда-то станем тоже мертвы

Владимир Ром

Мир так устроен, мы приходим и уходим,
Оставив на земле свои следы.
Судьбы дороги, высокие и низкие посты,
Увы, все смертны мы.

Владимир Вишневский
Стихами балует наш слух,
В кинокартинах популярен.
Во всем большой он юморист
И «Строфам века» благодарен.
Владимир Романов

Владимир Герцик

Парик на красной высоте.
Аристократия сомкнулась.
И, в ожидании прокола,
Картинки хлещут по трубе.

Мой чемодан! Мой зайчик медный!
Закис ты в опытах, и перлы
Тебе несут свои хвосты,
Невероятны и просты.

И, раздираясь над базаром,
В малине утренней хурмы
Трепещут черные бокалы,
Ожесточенные кварталы
Гноя мускатами пустынь.

Итак, идем! В муке тиары.
Но в перетряхе фортепьян
Рули сомнительного пара,
И запрещенные комары
Камлают весело в бурьян.

Владимир Ром
Невероятны и просты
Стихи сомнительного пара,
Тебе несут свои хвосты
В строках начертанных с угара.

Аристократы в париках,
И в ожидании прокола,
Картинки хлещут по трубе,
Среди пустынного базара.

Твой чемодан! Твой зайчик медный
С малиной утренней хурмы,
Пустили в опыты и перлы,
В проёмы хлещущей трубы.

Несёшь в муке свои тиары
И в перетряхе фортепьян,
Во сне Ты видишь лишь кошмары,
Парик на красной голове армян.

Владимир Губайловский

Переправляешь, правишь, но,
пока ты слово подбираешь,
рациональное зерно
невольно в пыль перетираешь.
И точность выверенных слов
приобретает сухость схемы,
лишенную живых основ,
столь искренних в наброске темы.

Владимир Ром

Есть у художников закон простой,
“Необходимо вовремя остановиться”.
Наброски темы повторяй,
С глаз убирай, чтобы забылись.
Вновь редактируй исправляй.
Не нарушая искренних основ,
Тогда и будет стих готов

Владимир Друк

И спокоен, и мудр
В заповеднике зубр.
И спокоен, и добр
В заповеднике бобр.
В заповеднике звери
Живут заповедно.
Я подумал — и людям
Это будет не вредно.

Владимир Ром

И для людей есть тоже заповедник.
Весь в решетках, как у зверей.
Спокойны и мудры там все люди.
Кто не там, - все как на воле у зверей.

Владимир Кривошеев

Иконописные лучи
Пронзили облако мечами
И в грудь мою вошли ключами,
Предчувствий отворив ключи.

Их токи схлынулись в поток
Бурлящего воображенья —
В водоворот идей броженья —
В пьянящей истины глоток —

В мир в капле - знания исток —
В течение свет проливших строк:

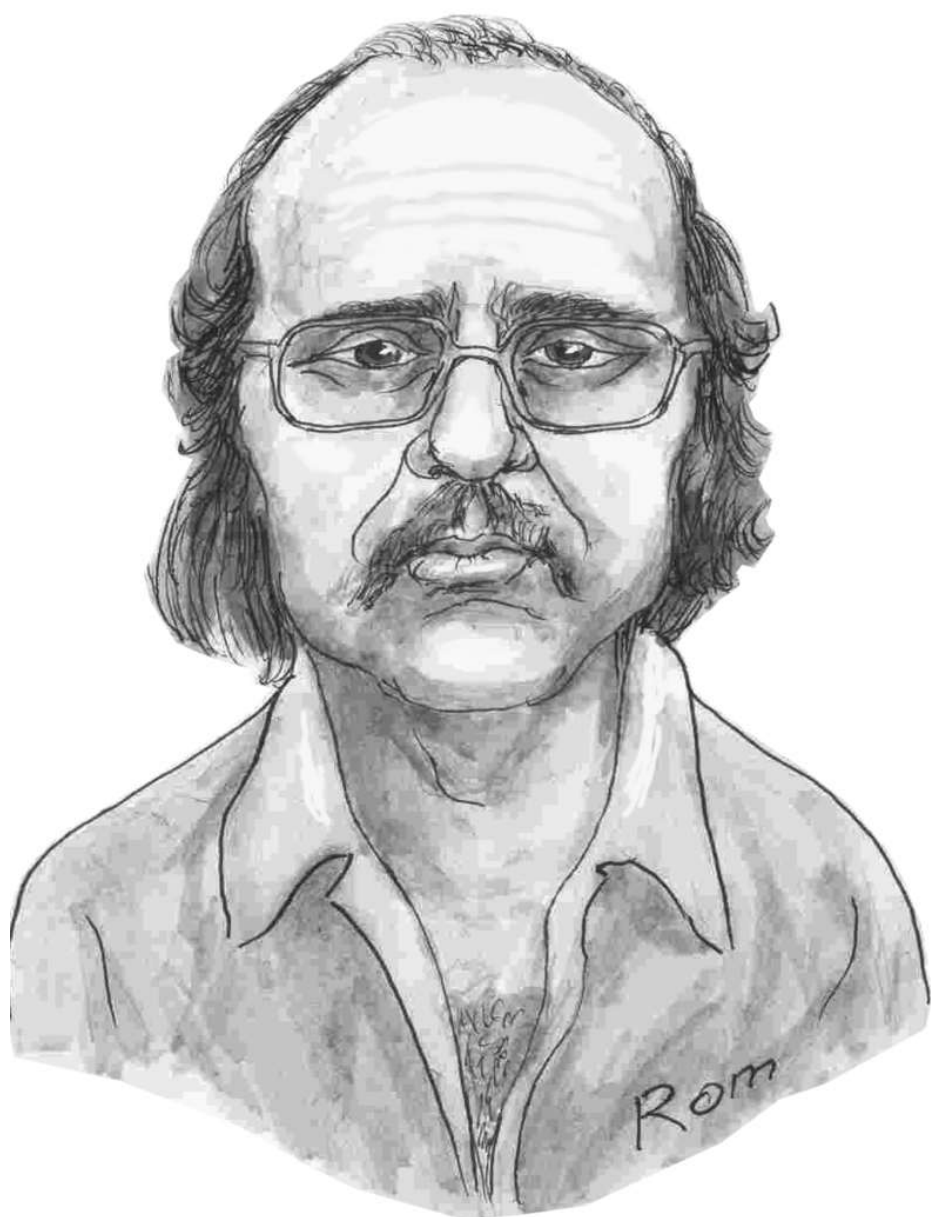
Святого промысла лучи
Пронзили твердь небес мечами
И в твердь земли вошли ключами,
Недр крови отворив ключи;

Их токи схлынулись в поток
Животворящего движенья —
В круговорот преображенья —
В вина причастия глоток —

В мир в капле - творчества исток —
В течение свет впитавших строк.

Владимир Ром

Как лихо облако мечами,
Пронзали грудь свою ключами,
Предчувствий отворив ключи.
Вновь твердь небес теми мечами
И в твердь земли вошли теми ключами,
Все недра крови отворив ключи.
Тому видать вина причастия глоток,
Где в капле творчества исток
Перевернул круговорот воображенья.

Владимир Кучерявкин

Холодная звезда мелькнула и погасла.
Ах, вот и утро бледной крадется стопой.
Туман стоит над ласковой красавицей-рекой,
Лениво изогнувшей русло.

Вдруг птица крикнула. За ней другая.
Проснулся ветерок, а с ним и тёмный лес.
И хор невидимый невидимого рая
Повёл тихонько песню от земли и до небес.

Владимир Ром

Вы все так чувственно красиво описали,
Как хор невидимый невидимого рая,
Природных звуков песни края,
Поёт тихонько от земли и до небес.

Владимир Лапин

Не с руки — не с пера мне петь соловьем, поскольку мы
не летаем;

Посидим-ка с тобою, дурак, вдвоем, поболтаем.

Где ж теперь-то конек-горбунок,

Царица да царство?

Сколько ж ты натерпелся, коли их не сберег!

А когда-то, помнишь? пшеницу славно стерег;

Видно, стар стал.

Ну а мне и старость твоя дорога, не тянусь к чудесам, не
каюсь,

Что люблю тебя, дурака, — хоть и сам в дураках
отмаюсь.

Владимир Ром

Самокритика совсем не простая,

На старость в дураках ходить

И не петь соловьём, не летая

И с коньком-горбунком не болтая,

Старость тихо спокойно прожить.

Владимир Ломазов

...жить бы и жить
дышать
не запоминая дат
словно еще зима и февраль
и невисокосный год
нежен и нищ теплом
но уже затухает март
возвращаюсь за полночь
мир остановок пуст
асфальт к колесу примерз
и автобус еле ползет
а фонари источая морс
улицу гнут
изображая мост
или рукопожатье отсель отдаленных мест
откуда и ты и я
за каналом дачи и поредевший лес
и дековинно бытие
в пространстве небытия...

Владимир Ром

Все понятно, Вам хочется жить,
Не запоминая дат.
Но на пути Вашем мост,
Улицу гнут фонари, источая морс.
Мир остановок пуст,
В пространстве небытия хруст.
От рукопожатья отдаленных мест,
За каналом дачи и поредевший лес.

Владимир Маяковский

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Владимир Ром

Он создал новый стиль в поэзии,
На блюде студня показал,
Косые скулы океана,
Ноктюрн на флейте водосточных труб сыграл.

Эпигр.

Российский поэт, драматург, художник,
Относил себя к кубофутуристам.
Был убит под версией самоубийства,
Видно чем-то сильно насолил коммунистам.

Владимир Микушевич

Бренные, скудельные,
Утлые тела;
Облики поддельные:
Зенки-зеркала.

Но природу тленную
Бог зато простит,
И на всю вселенную
Яблоко хрустит.

Владимир Ром

Вовочка ест яблоко,
Бог его простит,
Что на всю вселенную
Хруст его звучит.

Вы приоткройте глазоньки,
Зенки-зеркала,
Чтоб увидеть Вовочкины
Утлые стихи-тела.

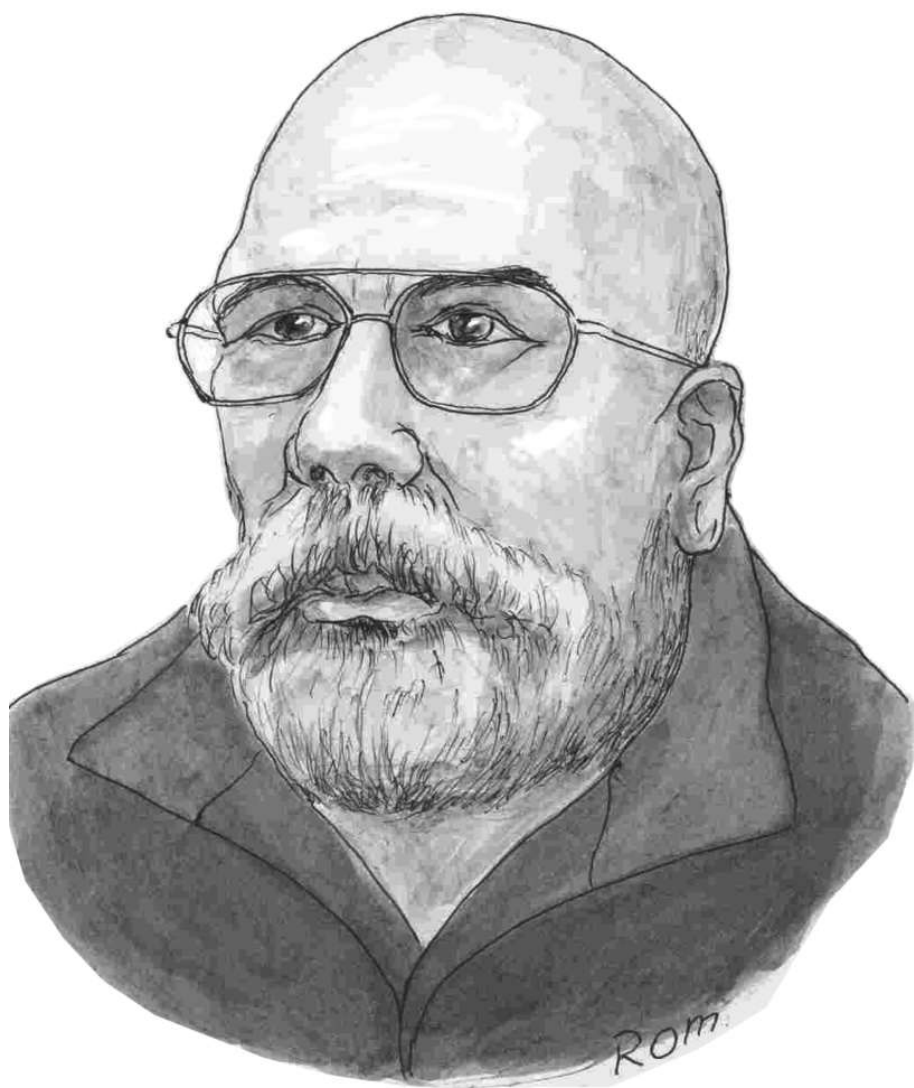

Владимир Строчков

В пустых местах, в густых лесах пустот,
по пустырям, похожим на пустыни,
в кустарной межпустотности кустов,
где попусту пустырники простые
настырно тычут листья в пустоту
и пустота прилипчива к листу,
где постные пустынники живут
и пустоту постылую жуют
во имя веры, что извне пуста,
как буквы с виду чистого листа,
и пустулы на их пустых руках
апостолы считают в облаках, —
возможен Бог, он с виду пустота
внутри неопалимого куста.

Владимир Ром

Вы богохульствуете господин Строчков,
Сопоставляя Бога с пустотой.
Далась Вам эта пустота пустая,
В Ваших стихах уж через чур она густая.

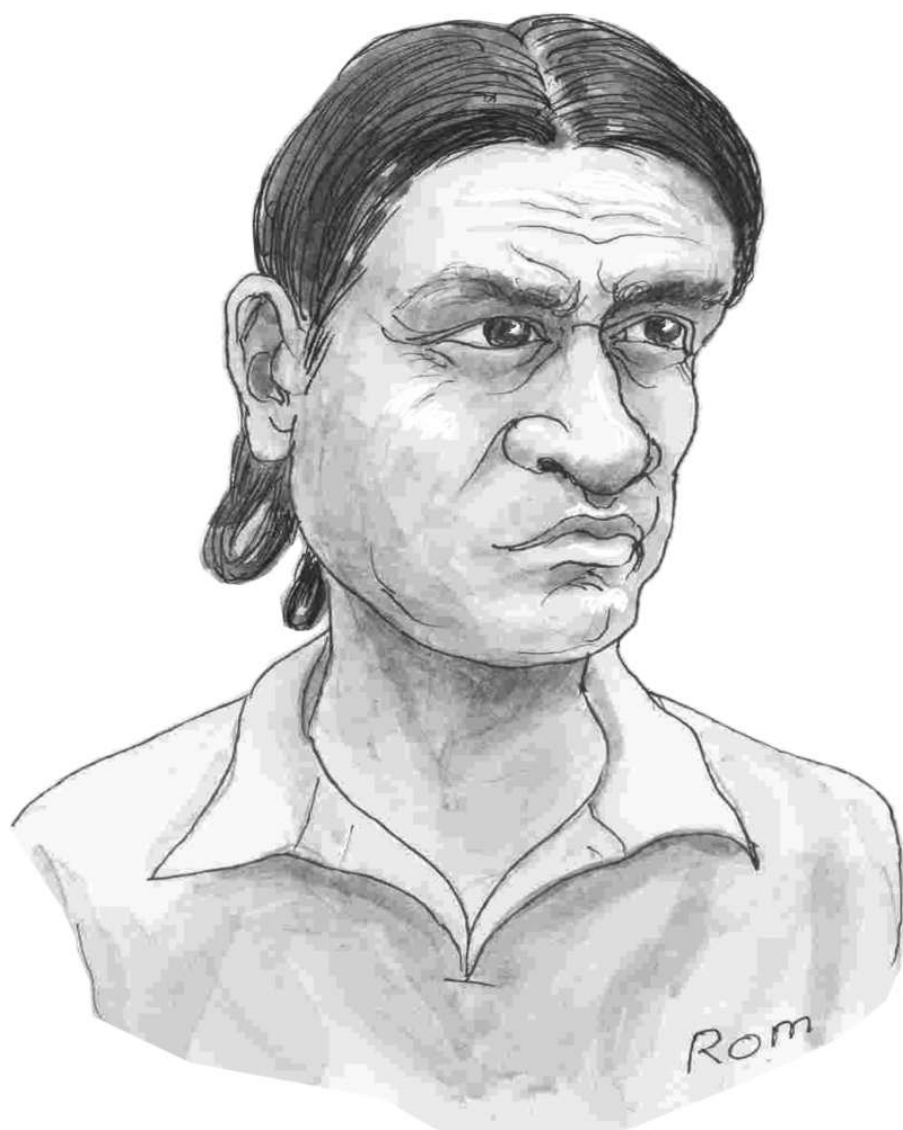

Владимир Тарасов

Смерть всех равняет
Бедных и богатых.
Униженных, прижизненно святых
Приходит!
 снисхожденья не бывает
Уносит старых, губит молодых.
Жизнь коротка.
 Бог ею награждает.
Цени земной, неповторимый Миг!
Живи. Пока тебя
 Господь спасает.
Последний вздох.
 Вершит рожденья крик...
Грех воровства.
 Больших поступков, малых.
Гордыня поднимает до небес.
А на убийство.
 Сильных или слабых
Вселившийся в тебя
 Толкает Бес...
Люби друзей
 и близких и знакомых.
И даже недруга
 за зло, не осуждай!
Живи светлей
 Ради деяний добрых.
Душе Господь
 Врата откроет в Рай...

Владимир Ром

Вы правильно даёте цену смерти
И заповеди ставите в стихи,
Как Моисей приносите от Бога,
Вернувшись со святой горы.

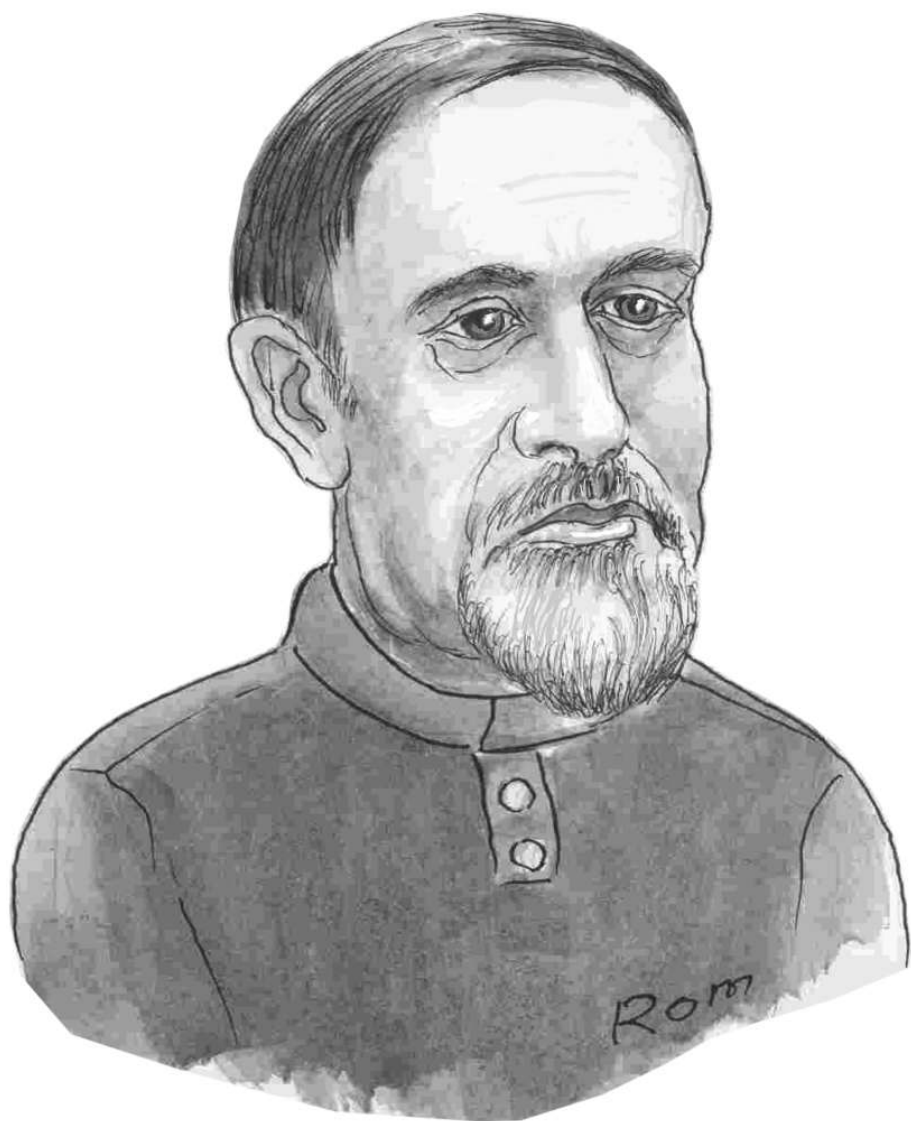

Владимир Тучков

Медленным дятлом войти в дерево.
И сжаться до размеров сердца,
по волнам,
у которого зрение -
дальней дорогой,
останавливаясь на развилках,
знает,
а потом уже видит,
как ветер меняет окраску,
а из дня
жадные жабры земли и лета
высасывают время зимы.

Владимир Ром

Как ярко сударь , Вы написали
“ Жадными жабрами земли и лета
высасывают время зимы.”
Дятлом прикинулись, размером с сердце,
Чтоб мы разобрать не смогли.
Дальней дорогой вашего зрения,
Вы не туда пошли,
Ветер поменял окраску зрения,
Но не проветрил мозги.

Владимир Уфлянд

Что делать, если ты художник слабый?
Учиться в Лондоне, Берлине или Риме?
Что делать, если не хватает славы?
Жениться на известной балерине?
Что делать, если хочешь быть примером?
Писать руководителей портреты?
Что делать, если нет своей манеры?
Писать в чужой?
Чужой присвоить метод?
Что делать, если до тебя сто раз
писали так же? И писали то же?
Что делать?
Стоит ли стараться?
Что делать, если ты плохой художник?

Владимир Ром

Плохой художник боится, что его поймут,
Хороший боится, что не поймут.
Вот Вам и надо лишь умудриться,
Краски так на полотна разлить,
Чтобы зритель не мог различить,
Что хотели Вы изобразить.
Всем сказать, надо мыслить абстрактно.
Чтобы чувствовать ту глубину
И полёта того подсознания,
Космогенной связи сочетанья.
Вам прилепят ярлык – гениальный,
Сотворил вернисаж шедевральный.
Вы же всех убеждайте спокойно,
Надо ум напрягать достойно.

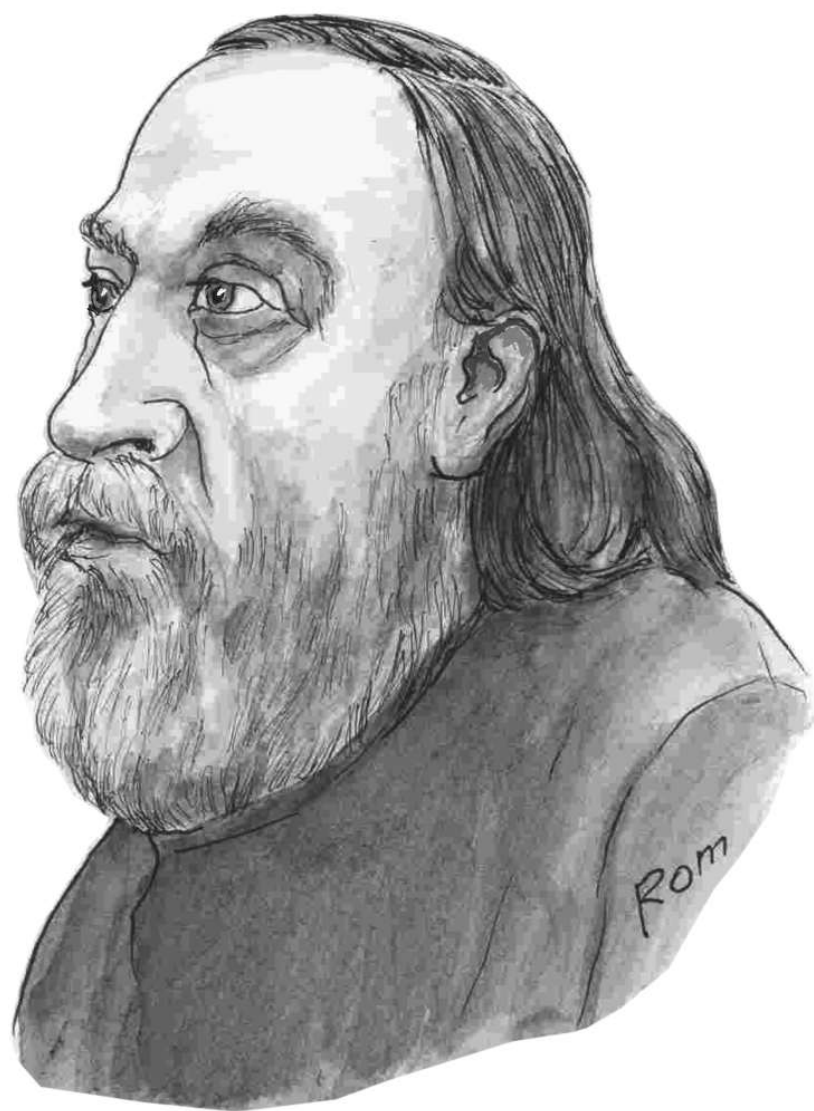
Владимир Эрль

Пламя свечи виновато марьяжит.
Меняется форма, рождается шорох –
Орфея плач. Он слышит
удар руки по струнам звонкой лиры...
Связует нить воззрений паука,
повисшего над миром
мельчайших тканей, –
тянется за словом моим паутина –
златого дня немыслимый конец
И пьет Орфей настой из терпких слов,
забывшись сном, над лирою склоняясь
и наблюдая гладь
сиреневого Стикса.

Владимир Ром

Зачем Вы мучите Орфея,
Настойкой поите из терпких слов,
Образ его создан давно не Вами.
Не стоит паутиной заплетать его.

Пишите виновато лишь о свечах,
Что Вас марьяжит с полночи до утра,
О том как будоражит шорох
И форма изменяется сполна.

Владислав Лён

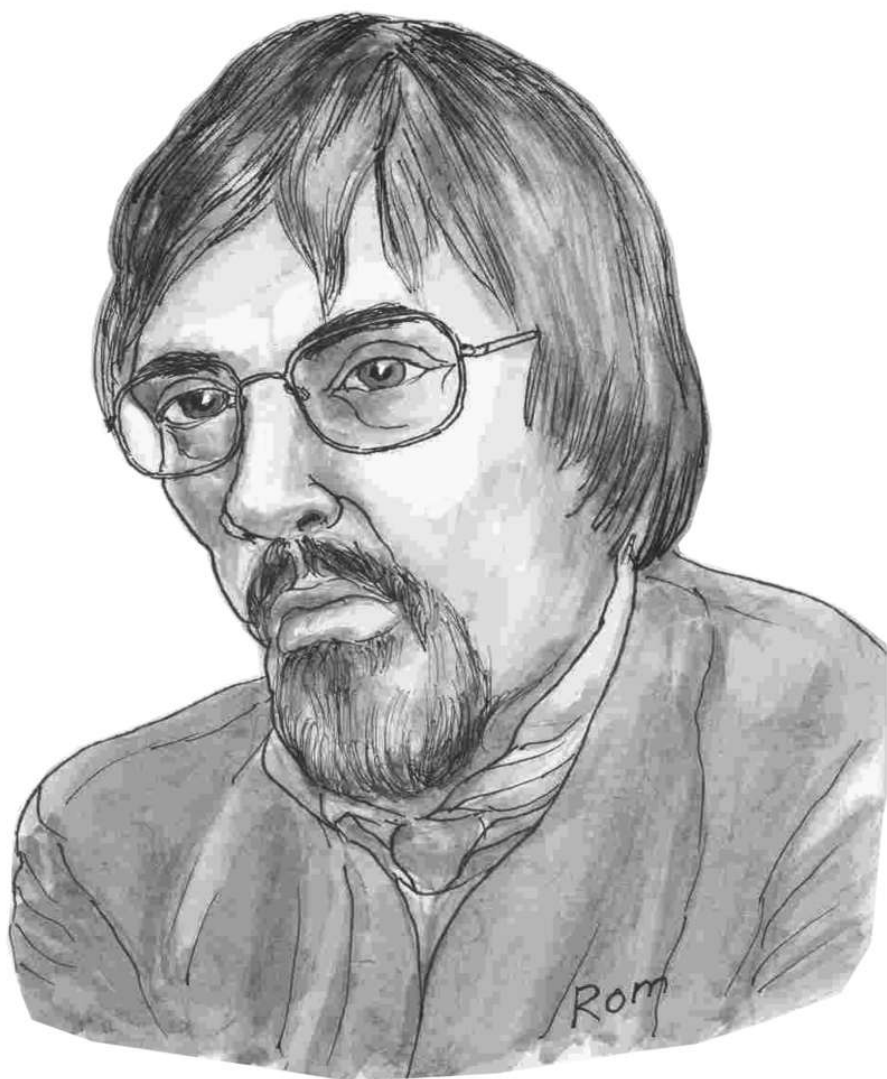
и хором выпятив попрёк
папахи генеральской
мгла безумия
в стране легла
легальной мысли поперёк

конвоем в Царское Село
доставлен
Царь колоть дрова
страну – как не было –
смело
ни Николая
ни Двора
и детвора на ледяной
каталась горке
до утра
в салазках родины длиной
горбушки хлеба
мимо рта

Владимир Ром

Затронули Вы тему Века,
Когда убила человека.
Без следствия и без суда
Коммунистическая рука.

Уж столько лет прошло с тех пор,
И коммунистов разогнали.
Но следствия не возбуждали,
Виновников посмертно не искали.

Владлен Гаврильчик

КАК-ТО БУДУЧИ С ПОХМЕЛЬЯ
И НЕМНОЖКО УТОМЛЕН,
Я ОТПРАВИЛСЯ В АПТЕКУ
ПОКУПАТЬ ПИРАМИДОН.

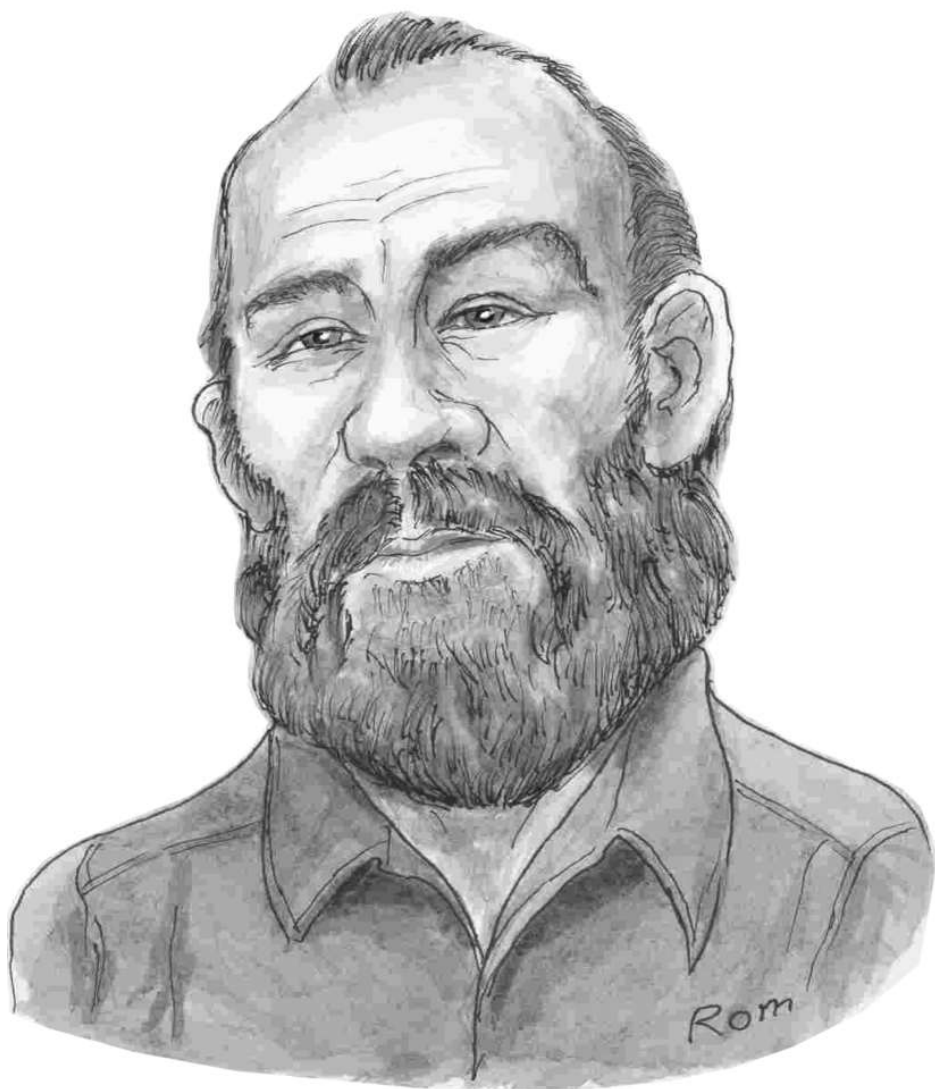
ТАМ ДРЕМАЛИ ФАРМАЦЕВТЫ
И РАЗЛИЧНЫЙ ПЕРСОНАЛ.
"ДОБРЫЙ ВЕЧЕР" - Я ПРИ ВХОДЕ
ИМ ЗАДУМЧИВО СКАЗАЛ.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР! ДОБРЫЙ ВЕЧЕР!
ФАРМАЦЕВТЫ ГОВОРЯТ
"НЕ ХОТИТЕ ЛИ ПИЛЮЛЮ,
ЕСЛИ ОРГАНЫ ШАЛЯТ.
НЕ БОЛЯТ ЛИ ВАШИ ЗУБЫ?!
НЕ ТРЕВОЖИТ ЛИ МОЗОЛЬ?
МЫ СПОСОБНЫ УСПОКОИТЬ
ВАШУ ГРУСТЬ И ВАШУ БОЛЬ."

ФАРМАЦЕВТИХА ШЕПНУЛА:
"ВАМ НЕ НУЖЕН ЛИ ГАНДОН?"
Я ОТВЕТИЛ, ЗАСТЕСНЯВШИСЬ:
"ДАЙТЕ МНЕ ПИРАМИДОН."

И ПОШЕЛ С ПИРАМИДОНОМ
В ДАЛЬ, ГДЕ СОЛНЦЕ ПОДНИМАЛОСЬ
И МОЕ БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ
НЕЖНЫМ ЧУВСТВОМ ВОЛНОВАЛОСЬ.

Владимир Ром
Нежный стих и тонкий юмор
Про усталость и пирамидон.
Я конечно удивился,
Что писал всё солдафон.

Всеволод Емелин

Пока я там жизнью своей рисковал,
Боролся за правое дело,
Супругу мою обнимал-целовал
Её зам. начальник отдела.

Он долго её обнимал-целовал,
Он мял её белое платье,
А на ухо ей обещанья шептал,
Сулил повышение в зарплате.

Покуда я смерти смотрелся в лицо
Бесстрашно, как узник у стенки,
С таким вот развратником и подлецом
Жена задирала коленки.

Владимир Ром

Сражаясь Вы смерти смотрели в лицо,
Боролись за счастье Отечества.
И рады должны быть всегда и за то,
Что Вам изменила она, не Отечеству

Всеволод Зельченко

Если правда, что души в ночи
Возникают на миг из тумана –
Между прочих теней отличи,
Честный путник, Петренко Коляна.
Он прожил, как прошел по воде,
Легкой поступью рябь приминая,
Уважение в женской среде
Как нечаянный дар принимая.
Ты ему подражать не стремись –
Много тропок у Божьих созданий.
Чуть помедли минутку, очнись
И ступай, не стесняясь рыданий.

Владимир Ром

Ваш совет я понять не могу
И зачем мне ходить рыдая,
Не стесняясь и не подражая,
Путнику из теней и тумана.

В жизни каждый идет путем,
Предначертанным Господом Богом.
По земле по воде и при том.
Не стесняясь ночей и тумана.

Всеволод Некрасов

Война
ой воняла
Иосифовна
родная страна
я не думаю
что я все это пройду
снова
даже если ты и скажешь мне
слово
даже если ты и скажешь мне
слово БАМ
даже если ты и скажешь мне
слово БАМ
и амба

Владимир Ром

Наверно ничего страшнее нет,
Двух слов, которые Вы в стих вписали.
Война, где гибнет вся Страна,
Где каждому приходит амба.

Всеволод Рожнятовский

Для чего живут поэты и поэзия при этом? —
чтоб стоять посреди лужи и глядеть на дырку в небе.
Воздух пахнет червяками и запрошлогодним снегом,
а ручей бежит с-под палки, весь из бельевого прищепок.
Языку по вкусу рифма, хоть банальна, но про лето, —
в древних стенах новый город скачет с детской
скалкой,
кубарем туман, и солнце сквозь подброшено монетой,
о, весна и школьный ужас, о тщета! — зла — человекам

Владимир Ром

Пахло тухлыми червями и запрошлогодним снегом,
Когда Вы стояли в луже и глядели дырку в небе.
В лужу лился ручеек, весь из бельевого прищепок.
Хоть банальна Ваша рифма, но зато она про лето.
Скачет детская скакалка, как подброшенной монетой,
Кубарем туман и солнце сквозь весну и школьный ужас.
Потрудились Вы не мало без хлопот и без обмана.

Вячеслав Крыжановский

Я читал тут на днях один альманах поэтический.
Что интересно.

Если кого-то мои опусы так же сильно раздражают,
как меня просто мутит порой от некоторых
(а ведь наверняка раздражают кого-то, и я даже фамилии
знаю),
то зачем же нас — пишущих — столько много
расплодилось?
Ну да ладно.

Владимир Ром

Если опусы кого-то сильно раздражают
Или просто мутит от души,
Значит опусы и все наши поэты,
Людям позарез наверное нужны.

Вячеслав Куприянов

Смех уму не помеха,
Нас очищает смех
От чешуи успеха
И от прочих помех.

Только в смехе опора,
Если нас черт побрал.!
Смех на устах у хора
Не хуже звучит, чем хорал.

Но смех без достойных пауз
Безумием отдает,
И лишь нагнетает хаос
Хохотом идиот.

Умный, поднятый на смех,
Сумеет стать выше обид:
На крыльях, надетых наспех,
Он в сфере смеха парит!

Господи, морю и суше,
И небу долю отвесь:
Смех наш насущный
Даждь нам днесь!

Владимир Ром

Гимн посвящен Ваш смеху.
Это большой успех.
Хоть наша жизнь не до смехе,
Но что-то в ней все-таки есть.

Лечит он всех от болезней,
Стрессы снимает с больных,
Жить помогает на свете.
Хоть не доступен для всех.

Гали-Дана Зингер

я больше не люблю
(да и никогда не любила) те-
атральные конфеты, барбарис и дюшес,
не говоря уж о мятных.
Я больше не хочу видеть
(да и видела ли раньше) те
продолговатые обтекаемые блёклые
жёлтые зелёные полупрозрачные тела
в мутных мятых обёртках
они сияли, когда их вынимали изо рта.
но знаешь
когда я слышу те-
перь (как и прежде)
прожжённый дух кондитерских фабрик
у меня перехватывает дыхание.

Владимир Ром

Сладости конфеты детства и юности всегда,
В памяти живут и остаются
До самой старости, когда
Острым ножом диабета
Режут желанье тогда.
Вновь насладиться детством
В старости не дано,
Хоть и впадают в детство
Все старики давно.

Галина Андреева

Исчезает время и пространство,
Когда я кисть держу в руке.
Все нити мироздания, извиваясь в танце,
Сошлись на загрунтованном холсте.
Во все миры открылись двери...
Лечу сквозь них на взгляде острия.
Диковинные небеса, растенья, звери
Во всех слоях и точках бытия
Я вижу, проникая бесконечность
Чужих пространств, в которых, как и мы,
Идут по жизни и уходят в вечность
Под светом солнц других
Создания немислимой Земли

Владимир Ром

Как остро Вам далось стихами
В пространство время проникать.
И кистью на холсте, на раме
Диковинные небеса, растенья, флору,
Всё воедино вдруг собрать.
Наверно Вам дано от Бога
И стих и кисть в одно связать
И светом солнц других созданий,
Пером земным всё начертать.

Галина Андреева

Вздыбилось море,
Рвётся на берег волной.
Музыка шторма.
Осень в наборе:
Дождь непроглядной стеной,-
Месяца норма.
Тёмен, высок и бурлив,
В буре мятежный,
Снова пугает залив
Город прибрежный.
Страх наводнения...

Владимир Ром

Море само по себе – тишина.
И никогда не спешит в никуда.
Только цунами его напрягает,
Берег гиганской волной разрушает.

Галина Ермошина

Между морем и миром вращайся, остров,
голос пряжи — стальной, деревянный, медный,
взгляду-первенцу от лица до солнца
ближе отталкивает, шепчет на ухо, медлит,
ты привязан к доске корабельной, к суше,
хватит ли силы еще убежать к лесу,
мимо, минуя пространство, воздух на веслах сушит,
в круге воды обнажит леску.

Владимир Ром

В каламбурном хаосе между сушей и морем,
Остов вращается с медным голосом пряжи.
Ближе отталкивает взгляд первенца от пляжа,
Шепчет на ухо, ты привязан к доске корабельной,
Тему считает Галина дельной.
Воздух и леска крутят там воду
В лес убежать бы, но нету броду.
Плещет водичка в речке и в море,
Стих разбавляет на счастье и горе.

Галина Нохотович

Бабулечки и мамочки,
И доченьки любимые,
И тетушки, свекрови,
И тещи, к ним ведь ходят на блины,
Какие женщины красивые,
Какие женщины счастливые,
Как взгляд чудесен их, когда вдруг влюблены.
А я страдаю от своей неполноценности,
Тех близких нет уже, а новых - не найти,
Прошу Вас, люди, берегите пуще главной ценности,
Всех женщин, кто Вам встретился в пути.

Владимир Ром

Напрасно Вы больны неполноценностью,
Все это плод заблудшего ума.
Вы женщины огромной ценности,
Которая природою и Богом создана.

Основу всего общества,
Изволили родить,
Мужчине лишь дозволили
Плод к жизни пробудить.

Для Вас, как пожелали,
Стихами изложить,
Быть дочкой мамой бабушкой
И для мужчин любимой быть.

Галина Оболенская

Как нам хочется рядом сильного!

Не весёлого, не красивого,

Не богатого, не элитного ...

А порядочного, открытого,

Добродушного да умелого,

Понимающего и смелого

Владимир Ром

Искать веселого, красивого, богатого, элитного

Наверное несбыточный вопрос,

Поскольку на такого везде огромный спрос.

А, что до сильного, открытого,

Порядочного, добродушного, понимающего,

Умелого и смелого, - несовместимый симбиоз.

Совет – ищите умного, хоть шансы не ахти,

Заменит все критерии, о чем писали Вы.

Галина Рымбу

чувствуешь пустоту?
чувствуешь — пустота?
чую, выходишь не та.
чую. выходит не та
девочка. это я.
девочка. боже, я.
лопаются, звенят
стёкла. зеркальная
старуха в тамбуре спит,
свой померанец обняв.
чувствуешь, это — ты?
ведает, снова — я?
едем. едем и всё.
видишь как пусто несёт.
в тамбуре, как за кормой.
плавимся. едем домой.
с ветром наперевес
вагонов адова цепь.
лес за окном, бес.
смерть за окном, степь.

Владимир Ром

Вагонов адова цепь
Несет тебя в пустоту.
В тамбуре старуха есть,
Желающая на померанец сесть.
Ветер на перевес
В окна вагона свистит.
Девочка боже не та,
Стёкла звенят зеркала.
В зеркале снова ты
Ловишь свою пустоту.
Чувствуешь, что пуста
От пустоты рука.
За окнами чёртв бес
Сквозь руки в пустоту
Смерть под колёса нёс.
В тамбуре как за кормой,
В бурном потоке воды
Плывишься, едешь домой.

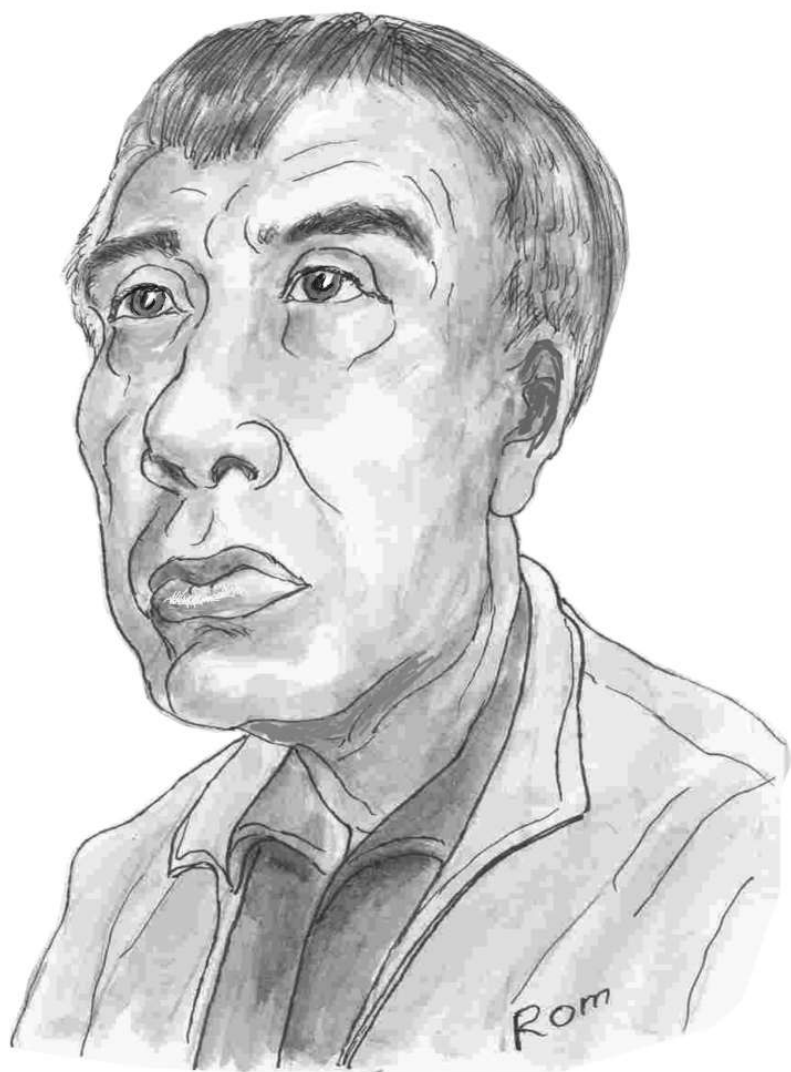

Геннадий Калашников

В книгу глядит, - значит, смотрит вверх.
Застывший или нервно листающий,
всегда по-особому красив человек -
homo sapiens - человек читающий.
Как торжественно выстроено его лицо,
как свет глубок, по лицу пробегающий,
чтение - захватывающее, заматывающее колесо...
Про сон и еду - про все! - забывающий,
читающий днем и при свете скупом,
хмурающий лоб и мозг утруждающий,
как хлеба ковригу несущий том
и на ходу нетерпеливо его открывающий,
спешащий в "сотый" или в "Книжный мир",
в закрученной очереди застревающий,
в книге - добытой с боем - открывший мир,
где не был еще - и в нем пропадающий,
дошедший до сути, ухвативший мысль,
как взор его умудренно-ясен.
Человек, взлетевший в такую высь,
в такую даль ушедший - прекрасен.

Владимир Ром

Определить интеллект человека
Можно объемом прочитанного.
“Всегда по особому красив человек –
Homo sapiens – человек читающий”.
Стих написали красиво Вы,
Дань отдавая читающим.
Мир познаём окружающий нас,
Черпая знания чтением.
Большое спасибо за ваши стихи,
Надеюсь, всеобщим мнением.

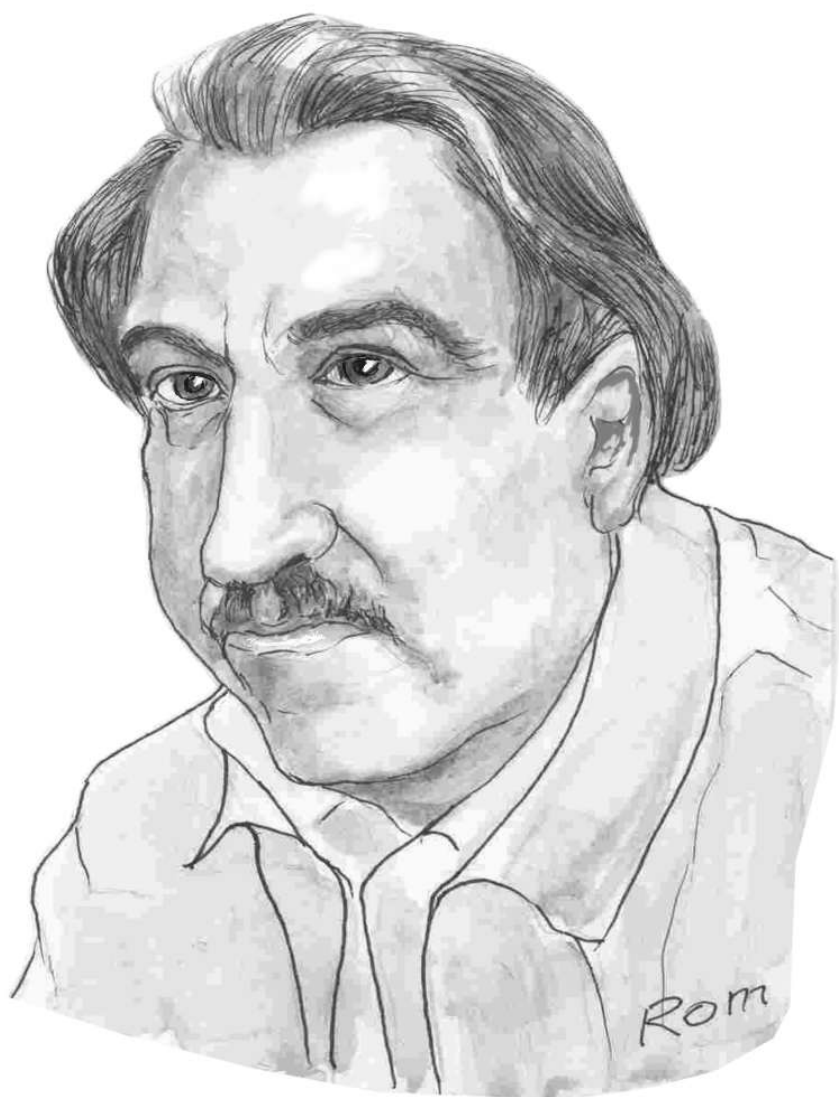

Генрих Сапгир

вздрагнул — моя двойная тень на снегу
высоко двоится белая луна
на двойной луне — двойное небо
три звезды — алмазная стрела
на снегу — алмазная стрела
вздрагнула двойная луна
высоко двоится белая тень
вздрагнуло мое двойное небо
алмазная стрела пронзила тень —
мою двойную тень на снегу

Владимир Ром

Дрожите Вы, да так что раздвоилась
Тень ваша в небе и на снегу.
Луна, та тоже раздвоилась
От дрожи вашей также наяву.
А звёзды в небе, даже три подряд
Слились в алмазную стрелу,
Чтоб тень пронзила на снегу,
Которая двоилась в ряду.

Георгий Геннис

голову держит вогнанный в темя болт
язык стальными швами прошит
сухожилия скрепами стиснуты
кожа в груди запахнута и прострочена

я сомкнут и весь перехвачен
воедино сведён усилием стяжек и скоб
упреждающей лаской устройств
юной механикой вросшей в мякоть

в тьме упоров пружин передач
как старик в неподъёмной тяжести
чертежами ходьбы я выдвинут вдаль
тротуар змеей о семи ботинках кажется

Владимир Ром

Вы себя ощущаете механизмом,
Вросшей в мякоть механикой сталью.
Весь болтами и скрепками стиснутый,
Голова как железа деталь.

Бродите Вы по просторам болтами,
На бумаге пятна, от болтов следы.
В строчки сложились они рядами,
Это наверно Ваши стихи.

Как старик в неподвижной тяжести,
Чертежами ходьбы выдвигаетесь в даль,
В тротуарах змеиных гремите ботинками,
Откровенно, мне очень Вас жаль.

Герман Виноградов

Мое не ваше а ваше не мое Скажите вы дитю правду
мою независимую дорогу укажите Вы ему попробуйте
учит пуст он поживет за счет природных сил но не за
счет наших искусственных сил чего мы сделали это не
живой факт а мертвый где люди подевались куда вы их
позакопали и зачем боитесь разложения а земля вам дура
она цветками цветет дышит ароматом а мы с вами
делаем вон куда оно девается в туалете через воду
исчезает а вода куда плывет в море окян где кит живет
стодвадцатитонный мужчина

Владимир Ром

Все, что делаем мы, куда девается,
Через воду в туалете разливается.
Это мёртвый факт природных сил
Плывёт в море-океан, разлагается

Герман Лукомников

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешищ надсмеяльных - смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смейево, смейево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Владимир Ром

Пожонглировал словами,

Тасовал их в виде карт,

Буквы разгрызал зубами

И мозаики слагал

Получились стихи смехачи,

Никто коих нигде не видал.

Сам такому удивился,

Гениальным видно стал.

Гила Лоран Галина Зеленина

Что нового сделают тебе мои губы
Ты беребишь их тонкими пальцами. Ему бы
Это верно понравилось. А мне бы
Лучше просто лежать и глядеть вверх, в небо.
Кончик твоего языка на шершавом нёбе
У меня дрожит сердце, что мы здесь обе
В запахе твоего шампуня, ибо
Не здесь, не сейчас - уже не смогли бы.
У тебя между ног застрял листик дуба
Больше не встретимся, говоришь. Да и к чему бы

Владимир Ром

Тонешь Ты в заботах сексуальных,
В действиях партнеров виртуальных.
Нёбо просит кончик языка,
Губы дерзких действий ездока.
Сердце для экстаза расстелилось,
В мыслях от слиянья растворилось.

Григорий Гелюта

осенью

осы

заползают умирать в упавшие я -

блокираторы мыслей и острых углов отказали
себе

во всем,

и теперь каждый встречный дом смотрит на меня
как соумышлен-

никто не справляется

обо мне,

только сухие трупики-гильзы шуршат
у меня в карманах;

и - нет,

ничто не изменится,

если посмотреть через каплю йода,

а

если - быть

каплей

меда на чьей-нибудь вилке,

запомнишь -

осень - такое время года,

когда осы заползают умирать в упавшие яблоки.

Владимир Ром

Порой, когда смотрят дома на Вас,

Не открывая оконных глаз,

Когда осы едят нутро опавших яблок.

Никто не справляется о Вас,

Зачем шуршите Вы в кармане гильзами.

Хотите быть Вы каплей мёда,

Чтобы смотреть сквозь каплю йода.

Но капля йода не прозрачна,

А Ваша рифма очень мрачна.

Григорий Дашевский

Тот храбрей Сильвестра Сталлоне или
его фотокарточки над подушкой,
кто в глаза медсестрам серые смотрит
без просьб и страха,
а мы ищем в этих зрачках диагноз
и не верим, что под крахмальной робой
ничего почти что, что там от силы
лифчик с трусами.
Тихий час, о мальчики, вас измучил,
в тихий час грызете пододеяльник,
в тихий час мы тщательней проверяем
в окнах решетки.

Владимир Ром

Мальчики ваши в дурдоме за решетками лежат
И грызут в тихий час пододеяльник.
Что под крахмальной робой различить хотят
У медсестер лифчик с трусами или голы.
Кто храбрее Сильвестра Сталлоне в дурдоме,
С фотокарточки не различишь.
Но свой пиар для поэта,
Этим именем возвестишь.

Григорий Канович

Писатель драматург, зовущий людей к добру,
Решает все проблемы талмудической диалектикой.
Жизнь без проблем наполняет лиризмом,
Метафорической и иронической эклектикой.

Владимир Романов

Григорий Кружко

В дырявом канотье, в пурпуровых трусах
По пляжу он идет, как клоун по канату,
И море на своих расстроенных басах
Играет небесам закатную сонату.
Магометане волн пред ним простерты ниц,
Готовится финал в скрипичном гуле шквала.
Он с тихой нежностью глядит в глаза блудниц,
Ища меж ними ту, что всем всегда давала.
Она идет к нему, она уже близка,
Прибой о ней поет и сладостно, и тошно...
И, аплодируя триумфу старика,
Привычно хлопает отставшая подошва.

Владимир Ром

Вы так красиво увязали всё,
Одежду старика и музыку и море,
У старика с блудницею триумф, не горе.
И хлопаем конечно Вам с душой,
Руками и отставшею подошвой.

Даниил Кислов

пульс нитевидный агония
поставьте здесь ширму
перед физиономиями светящихся
молочно-апельсиновых экранов
опуская глаза и стены на шаг отступив
уронили в полбокала стеклянную крышу
по коридору налево
пестрящая красками дверь
полуподвал тесный костюм музыканта
саксофон как фитиль до пояса объятый пламенем
дикий пляж подернутый пеной
в Южном Городе ранней зимой
наконец
вопрос или утверждение
ты - идиот а телевизор -
это писсуар наизнанку

Владимир Ром

Ты наверно был в пьяной агонии,
Когда пульс нитевидный искал.
Уронил в полбокала стеклянную крышу,
Краской пачкал пестрящую дверь.
Музыканту в костюме затянутом,
Зажигал как фитиль саксофон.
В телевизор пописал с угару,
Думал это твой писсуар.
Всё написано верно по пьяни,
Ты на трезвую был бы не тот.
Как заметил, не вопрос – утверждение,
Ты действительно был идиот.

Данила Давыдов

Принеси мне свою голову, мальчик,
Приправь перцем, кориандром, корицей,
Полей соусом, и колечками лук
Положи сбоку.

Думаешь, съем? Не выйдет, мальчик,
Стать пророком так просто. Голубь, если
Прилетит поклевать на окно мое проса -
Вряд ли ветку

Принесет оливы, как входной билетик.
Так что, мальчик, иди и в кладовке
Бди, пальцем пилу трогай,
Сомневайся.

Владимир Ром

То, что Вы изложили, мне кажется,
Всё увидели в вещем во сне.
Голова мальчика с перцем и соусом,
То соперник Ваш на коне.
Вы его с потрохами желаете,
С кориандром, корицей сожрать.
Ждёте голубя просом прикормленного,
Чтобы принес Вам оливковую ветвь
К вашей славе, как входной билет.
А соперника ненавистника
Вы в кладовке запрёте, когда
Для его расчлененья готовая
Будет острая бензопила.

Дарья Суховей

... нет мне быдло не мешает
всяк говорящий каждым словом
в трудах и днях словах о том чтоб выпить
я разделю свою бутылку с этим
ах жаль всего аптечный пузырёк
ещё мне не мешает эта ...
горящая на выходе из горла
и эта горечь горечь горечь горечь
пустеющий аптечный пузырёк
когда ты эту с вёдрами увидишь
погоду то есть без дождя который
всего-то нежности аптечный пузырёк
портретно ночь фонарь и пузырёк

Владимир Ром

Аптечный источник вдохновения – пузырёк,
Он как завеса превращает интеллигента
В простое быдло на недолгий срок.
И в зной и в дождь и холод,
Днём и ночью горящая горечь согревает
Обретенный Вами порок.

Демьян Бедный

Не плачьте обо мне, простершемся в гробу,
Я долг исполнил свой, и смерть я встретил бодро.
Я за родной народ с врагами вёл борьбу,
Я с ним делил его геройскую судьбу,
Трудясь вместе с ним и в непогоду и в ведро.

Владимир Ром

Он за родной народ с врагами вёл борьбу,
С его заботами связал свою судьбу.
Всю жизнь отдал он до последней капли,
В награду распростерся лишь в гробу.

Эпигр.

Хотя и псевдоним был “Бедный”,
Но жил на территории Кремля.
Прислуживал высоким коммунистам,
Но, им не угодил, хотя был тоже атеистом.

Демьян Кудрявцев

Мне спальня моя темна
нет
темница
и вся она солнечной будь страна
свет мой
ушел господин границей
племен
не выучить имена.
На кожу мою бальзам
а по коже моей
слеза
и похоже ты сам
не придешь назад
солнце моим глазам
сохну я по тебе вдали
и зачем женатым бежать земли
придумали корабли?

Владимир Ром

Придумали корабли, чтоб жить от беды вдали,
Чтоб сохли все без тебя от тоски.
Чтоб помнили все имена,
Которых забыть нельзя.
Вся солнечной будет страна,
Когда Ваша спальня темна.
На кожу нальёте бальзам
И будите тоже Вы сам
Над творчеством лить слезу,
Сплетая стихи, как лазу.

Денис Ларионов

Когда осень торопится как разбитое стекло
На месте, где пытались обменяться атомами два автомобиля,
И заталкивает мне в горло все эти листья и обертки от
Мороженого, как будто второпях пытаюсь избавиться
От доказательств, от лишнего шороха, и я давлюсь всем этим
Изобилием под какой-то скамейкой, и случайная кислородная
Маска не налезает на лицо и паспорт потерян, и парни,
Двадцать пять лет топтавшиеся по вечерам на детской
площадке,
Скрываются в подъезде как процессия униженных рыцарей,
И закрывают за собой двери, и становятся старше, и пьют
больше
Жидкости, в которой меньше спирта, и я понимаю, что
остывает,
Остывает реактор и температура падает, и заиндевшая
перчатка
Валяется на металлическом полу, и кто-то произносит:
«пустышка».

Владимир Ром

Ваш стих – агония мышления,
В аварии разбитое стекло.
Последнее видение предметов,
Лежащих на дороге вокруг него.
А маска для дыхания и людей толпа,
Конечно бедолаге ни чем не помогла.
Реактор остывает, по телу дрожь идет,
И кто-то замечает “пустышке крышка” вот.

Денис Новиков

По брусчатке, как сказано у Михалкова
и украдено у Маршака,
ну а тот это слово у Бёрнса какого
напрокат одолжил на пока...
Я нашёл подтверждение догадки у Даля:
нет брусчатки в его словаре.
И сгубившая Бёрнса позёмка седая
по живому метёт в ноябре.

Владимир Ром

Денис у известных любит,
Заимствовать брусчатку у Маршака.
Вписать в стих Михалкова,
И Даля и Бёрнса туда.
Видать его попутал пегас, как чертов бес,
Чтоб был к его творенью
Какой-то интерес.

Денис Осокин

пахнет под окнами молочай
как от подмышек Люды.
Полина на кухне готовит чай
среди немытой посуды.

по мокрым ногам ее и спине
снут тунцы и кефали.
они довольны судьбой вполне —
мы долго их рисовали.

Владимир Ром

Рисуете стихами по бумаге
Как у Полины по ногам и по спине
Танцуют тунцы и кефали,
Играя в мутной воде.
Полина на кухне стояла,
Готовила чай молочай.
Вы нюхали подмышки у Люды,
Как будто совсем невзначай.

Дина Гатина

каждый день миллионы людей умирают за наши грехи
и что
я дважды повторять не буду
поднапусти
интима
каждый день миллионы людей умирают за наши грехи
и что
ты повторяешься
и что, и что
они умирают –
– ты повторяешься –
– каждый день
повторяй за мной
и ничего
ты повторяешься каждый день и ничего
умирай за мной
каждый день,
летние скидки,
повторяй за мной:
летние скидки
кричи громче

Владимир Ром

Наверно умерших долго считали
И о интима вспоминали.
Потом опять всё повторяли,
И скидки летние считали.
И что, и что, и ничего,
Стих получился, а для чего?

Дмитрий А. Пригов

Вчера в крошечной тьме средь ночи
Комар меня безумный мучил
То пел вился, то пел присев
Я бился с ним в ночи как лев
Под утро же в изнеможенье
Мы оба вышли из сраженья
С потерями в живой силе и технике

Владимир Ром

Вы тему вечную избрали,
Про комара и про себя,
Как ночью с ним во тьме сражались,
Потратив время до утра.
Потери Вы не избежали,
И в технике и на себе.
Исход борьбы – ничья меж вами,
Читается во всём стихе

Дмитрий Авалиани

спицам мелькающим все уже безразлично
вот и Тебе примелькавшимся стать пришлось
чтобы забыть о своем надоевшем величии
Только надравшись столб обниму как дурак
тихо взмолюсь: дай пошататься мне
сверху глядит плевать какой зодиак
лишь бы дойти прижаться к последней стене

Владимир Ром

Вам надоело величие оси,
Вокруг которой вертятся спицы.
Вот и прилипли к столбу с тоски,
Но, не как дурак, а как умный,
На свой зодиак плевать, как безумный

Дмитрий Бавильский

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух и прах рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон?

Владимир Ром

Что Тамерлан там, иль Наполеон,
Стихи поставит в строй всегда Бавильский.
Скомандует им как себя вести,
В бою, в постели иль в мусор все нести.

Дмитрий Бобышев

Зрит ледяное болото явление светлой богини...
Пенорожденная – вниз головою с небес
в жижу торфяно-лилейную под сапоги мне
кинулась, гривной серебряной, наперерез.
Бедная! Белая – в рытвине грязной она отразилась...
Видно, и в самой ледащей из наших дорог –
лишь бы вела! – с ней замешана общая милость
низкому озеру Вялью и острову Милос,
и пригодится для чуда любой завалящий предлог.
Вот и гляди в оба глаза на мокрые волглые глади:
чахлые сосны, коряга застряла как хряк,
да лесопилка сырая вся чиркает сзади;
в кучу слежались опилки, и будка на складе
в серых подтеках глядит – отвернись от меня, Бога ради!
Это ведь родина. Что же ты плачешь, дурак!

Владимир Ром

От Европейских равнин,
До сопок Курилов.
От Тунгусских снегов,
До пустынь Каракума.
Это Родина, где ты родился.
Это больше чем волглые глади.
То, что ты в ледяное болото,
С головою до ног весь увяз,
Это сделал всё сам ты, своею судьбою,
Что же ты плачешь, ведь ты не дурак.

Дмитрий Булатов

Чуть до того
как дернет лапой с перепугу
кошачий сонкрадется стороной
сведенными чернилами в бумагу
подушечкой следов подточенной
мышинными молитвами
по направлению к шкафу —
коготками слова
в зашкафной кутерьме туда где
кто-то объяснил что в темноте
лихие мысли
словно ночью светляки
слетаются в изустье самки —
чьи-то двойники
мерцают в отпечатках тел
истраченных
при переходе за предел чернил

Владимир Ром

При переходе за предел чернил,
Чьи-то двойники в изустье самки.
Лихие мысли в зашкафной кутерьме,
Крадутся стороной кошачьи лапки.

Дмитрий Бушуев

Подмосковная осень:

30 градусов по Фаренгейту.

...дай мне шприц с теплым жиром созвездий,
с африканскою спермой и чудом московских предместий

—

дух лосиноостровский, останкинский, радость моя!

Владимир Ро

Дмитрий шприц с теплым жиром созвездий,
С африканскою спермой и чудом московских
предместий,

Себе в задницу с жаром и пеплом,

Дух останкинский, лосиноостровский словить.

Дмитрий Веденяпин

Что такое стихи?
Гармонь в землянке?
Безутешный роман в Париже?
Или бабочка на полянке?
Бабочка – ближе.

Владимир Ром

Для тебя стихи наверно – бабочка,
Для другого – нежно мамочка.
Для иного - жизни страсть,
Прогматисту – денег власть..

Дмитрий Воденников

Как Н. Хрущев засеял кукурузой
все подмосковные совхозные поля,
так я засеял всю литературу,
в стихи натыкав — ваши имена.

Гроза уже ворчит над здешним садом,
лиловым брюхом не задев земли —
но здесь ни девочек, ни яблок нам не надо:
до них два мальчика ещё не доросли.
Я назову тебя: не миша, коля, женья
(такие имена — для мёртвых и живых),
я буду звать тебя: то Ося, то Арсений:
как близнецов — с футболкой на двоих.

Я смастерил для вас — шифрованный набросок,
кривой скворешник, книжку для детей:
для двух скворешников мне не хватило досок,
отцовства, времени, терпенья и гвоздей.

Владимир Ром

Вы именами сете, как кукурузой,
В стихи натыкали, наброски шифровав.
Хрущева вспомнили, скворечник смастерили,
Книжонку накатали для детей.
Но, не хватает времени, терпенья,
И досок и больших гвоздей,
Чтобы стихи стройней казались,
И буквы были в них прочней.

Дмитрий Волчек

Я забуду имя твоё, я забуду твой голос,
тень плеча и движение глаз -
все, что я не узнал, что осталось греховным,
без надежды стать светочем в нас.

Все изменится. Ломким и серым
возвратится промокший рассвет.
Ты - звезда моя. Стань же безмерной,
не распавшись на явь и на бред.

Владимир Ром

Всё, что в памяти Вашей вписалось,
От звезды, от мечты, от любви и от бед,
Не желайте, чтоб всё забывалось,
Распадаясь на явь и на бред.

Дмитрий Галынки-Вольфсон

В ночном такси – блюз флуоресцентного Зообурга! –
в обнимку с моим кузено и ди-джеем найт-клуба
“Бункер”

мы неслись курцгалопом по Венскому проспекту
из казино “Ennui”, где с везения сняли пенку.

Моё кузено – запястье в нефритовых браслетах –
перстеньками глаз а la Бёрдсли красавцев клеил.

Сколь ни метал бисер греха – никого не закадрил...

Не беда, для таких каналов, как мы, везде кабинет
заказан.

Владимир Ром

Воспели Вы своё везенье в Кузено

И как кусали красавцев в Бёрдели.

На всё глядите перстеньками глаз

И признаёте, что в жизни бывали каналией не раз.

Дмитрий Дмитриев

С утра, часа этак в четыре,
Когда совсем прозрела голова:
Приходят мысли. Умные такие,
Что даже их не обличить в слова.

Владимир Ром

Когда с похмелья прозревает голова
И мысли умные из космоса приходят,
То, что не можете Вы облачить в слова,
Вставляйте под стекло и в рамку.
Пусть впечатляет читателей спозаранку.

Дмитрий Драгилев

Поиски новой бодрости (новых письмён)
в вышедшем из хронического употребления
журнале «Вести с опушки» в тираж
мутным январским варевом продираясь
в апофеоз чего-то относительно сносного
как обесточенная античность
взятая у попугая подписка
просьба не выезжать
не покидать пределов лежалого хлама
где ты свернувшись калачиком размышляешь
об анатомии карандашей
и принципе действия голубиной почты...

Владимир Ром

Конечно драма искать среди лежалого хлама
Апофеоз попугая с подпискою не выезжать.
Ждать новых писем и вести с опушки,
Когда все кукушки январским веером начнут куковать.
Проще лежать, свернувшись калачиком,
И размышлять как Одиссей
О дрессировке почтовых голубей,
И анатомии простых карандашей.

Дмитрий Кудря

ничто под луной не вечно,
только в стране дураков
никак не угомонятся
в стране дураков
каждый второй лелеет мечту -
стать вторым
медики страны дураков
всерьез задумались над проблемой
лечения временем
в стране дураков
все думают
буквально обо всем
при желании понять можно всё -
гласит главный принцип
страны дураков

Владимир Ром

Ничто не вечно под луной,
Как для умных, так и для дураков.
Время не излечивает, если ты дурак,
Понять всё не может
Ни умный ни дурак.
Все в жизни относительно,
Это знает всяк.

Дмитрий Кузьмин

Мы тогда, прикинь, пили,
нас трое, Сопикова из "бэ",
ещё одна, тоже теперь в восьмом.
Нажрались, начали бутылки из окна кидать,
и бабка какая-то стала лазить их собирать.
Мы по ней: бутылками,
пакет какой-то с водой выбросили,
я потом подумал, прикинь, а если бы попали?

Владимир Ром

Прикинь, как записалось в памяти,
Как вспомнишь, “зашибись”.
Хоть сильно мы “нажрались”,
Но, если взять в “напряг”,
Нас было трое, помнится
И нищая внизу.
Кидали в неё бутылками,
Пакетами с водой.
Но, к счастью не попали,
Закончилось бы бедой.

Дмитрий Лазуткин

муравья можно сдуть —
он лёгкий
с девушкой сложнее
не сдувается как-то
сорока на хвосте
принесла
всякие глупости
танк раненный
в гусеницу
танцует по кругу
и жужжит жужжит

Владимир Ром

Темы затронули три,
Три слова к ним нашли.
Всё увязали в стих,
Получился не стих, а триптих.

Дмитрий Семенов

Пусть рвут ветра и подгибаются колени.
Пусть мир прогнил и шанса не дает на жизнь
Иди вперед, чтоб не упасть, держась за стены.
И из последних сил карабкайся, держись!

На зло врагам должна быть чуточку сильнее.
Ты спотыкалась, но гнала из сердца страх.
На слабость права нет, в себя лишь можно верить.
Ты из последних сил держалась на ногах!

Упасть и сдаться, ты поверь, всегда успеешь.
Но вот подняться уж не сможешь никогда!
Немного воли, ты ведь сильной быть умеешь!
И ты прорвешься, сквозь метель и холода!

Пусть захлебнутся черной завистью другие,
Пусть смотрят в след идущей гордо мимо них.
Они со злобой ощущали твою силу,
Ты победила и безмозглый хор затих.

Владимир Ром

Ваша поддержка женщине прекрасна,
Протянута рука, чтоб не упасть.
Поднятые духа в те минуты,
Чтобы прошла, угрозы не боясь.

В мире безмозглой злобы и насилия,
Чужою гибелью желаньем наслаждаясь,
Толпа ликует, торжествует и кайфует,
Когда приходится кому-то погибать.

Ваш стих проникнутый желаньем
Помочь держаться крепче на ногах,
Когда почти уже нет шанса
И свет в туннеле кажется, погас.

Дмитрий Тонконогов

Доберешься до хутора — и уже осень.
Ленивые кошки говорят по-жмудски.
И чем изящнее во дворе изгибы сосен,
Тем молчаливее дети и богаче закуски.

Отведав угря только что из коптильни,
Выслушав старика, пережившего бурю.
Я начинаю прощаться и говорю, что Вильнюс
Не идет ни в какое сравнение с вашим Бубуле.

Меня провожают две прохладные женщины.
Держатся за руки, как сиамские сестры.
Я представляю: они голые и уменьшенные
Молча пропалывают необитаемый остров.

...Ночью иду к морю самой медленной из дорог.
Раздеваюсь у коряг, сложенных в штабель.
Вода ледяная, палтусы выскальзывают из-под ног.
Посередине земли застыл пограничный корабль.

Владимир Ром

Как тонко замечено — кошки по-жмудски,
И чем изящнее изгибы у сосен, тем молчаливее дети
И богаче на хуторе закуски.
А Вильнюс конечно в сравнении с Бубуле,
Как угорь копчёный у старика на угле.
Две женщины вместе, что сиамские сестры
Остров пропалывают голые молча.
Корабль пограничный средь земли не в море,
Разрешил Вам купаться в ночном просторе.
Палтусы из-под ног скакали штабелями,
Вы среди коряг, хоть и вода ледяная.

Дмитрий Чернышев

Жить — в начале прошлого века,
написать несколько стихотворений,
в том числе, одно — восхитительно непристойное —
про «улыбку велосипедистки».
Заразиться сифилисом (впрочем, вылечиться),
затем — туберкулёзом,
(вот это — было бы уже смертельно).
Быть расстрелянным в Тверской губернии.
Упомянуться в нескольких сносах.
И не знать — тебя.

Владимир Ром

Вас угораздило конечно в прошлом веке
Сифилис с туберкулёзом соединить в букете.
С стрельбой связаться в Тверской губернии.
Восхитительно непристойное написать
О женщине и велосипеде,
При этом ничем её не заразить
И себя не знать .

Дмитрий Шкарин

Раздраженный слон в сортире
Прячет хобот в унитаз.
Он устал скитаться в мире.
Он сегодня водолаз.
Он сегодня мистер Немо.
Изучает путь дерьма.
Любопытнейшая тема:
Седня, значит, слон рыбачит.

Владимир Ром

Любопытнейшая тема Диму очень заняла,
Вспомнил он про дядю Немо,
Поменял всё на слона.
Всунул хоботом в сортире,
С головою в унитаз,
Изучать дерьмо в квартире,
Как современный водолаз.

Евгений Антошкин

Как будто кто играет в прятки, —
Все звёзды выстроились в ряд.
Желтками, сваренными всмятку,
В небесной плоскости парят.

Среди воинственного гула,
Где нет ни света, ни тепла,
Гляжу, — одна в ответ мигнула,
Другая, — очи отвела.

Я вверх тянусь, замороженный,
Из беспредельной пустоты.
Жестоким веком обожжённый
Той, дальней, родственник звезды.

Вдруг через горний блеск гордыни
Она опять в ответ мигнёт.
На переплавку снова кинет,
Иль в чёрную дыру швырнёт?

Владимир Ром

В руках у Вас давно звезда,
Большого поэтического счастья..
А Вас все тянет в небеса,
К большому свету в дни ненастья.

Евгений Бунимович

Уходящий последним
собирающий скрепки
вытирающий пыль
закрывающий ящик
задвигающий стул
надевающий шляпу
достающий ключи
отключающий воду
вырубающий свет
проверяющий время
запирающий дверь
поправляющий галстук
вызывающий лифт
нажимающий кнопку
уезжающий вверх
развивающий скорость
выжимающий газ
выпускающий воздух
заглушающий звук
нажимающий кнопку
наблюдающий взрыв
проводжающий взглядом
исчезающий мир

Владимир Ром

Не пьющий,
Но выпивающий.
Сидящий
За посменным столом.
Пишущий по бумаге автоматическим пером.
Сочиняющий стихи.
Считающий себя маэстро.
Думающий читатель дурак.
Получающий гонорар за так.
Повторяющий всё чудак.

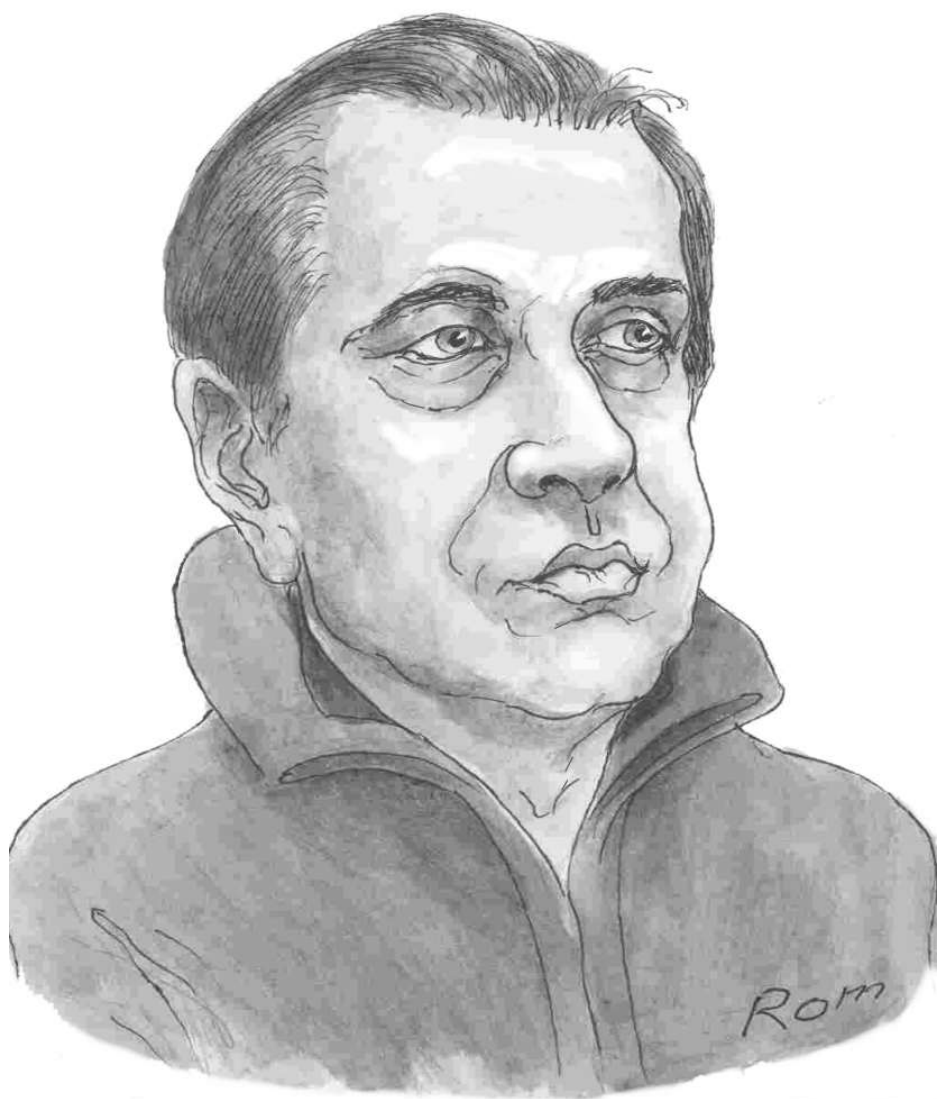

Евгений Даенин

солнце всмятку дразнится
в ложке-пересмешнице, —
желчные нервы осанятся,
пульс рассыпается ржою;
блицами птиц колосится
сердца кормилицы озимь:
так роднички лучей
бьют в хороводах губ.

Владимир Ром

Хороводы труб шептали,
Солнце всмятку раздражня.
Осанили желчи нервы
В пересмешнице ложке растворя.
Ржою пульс рассыпав птицам
Роднички блицами лучей,
Оземь грохнули кормилицу,
Сердце шепчет, что же с ней.

Евгений Заугаров

Всю жизнь бы я шёл до окна,
не зная того, что я прожил.
Светила бы где-то луна,
роняя задумчиво на
поверхность ушедшего прожелть.
Я шёл бы к окну, как ко дну.
И путь мой, ни много ни мало,
подвластен бы не был уму.
Отчаявшись, я б на луну
взглянул, и меня бы не стало.

Владимир Ром

Отчаявшись и на луну
Смотреть Вы тогда не стали,
Боясь, что когда-то и Вас
В этой жизни больше не станет.
Всю жизнь Вы не знали куда
К окну или к океану,
Взирая на прожелть луны,
Несла Вас шальная усталость.
Подвластны Вы были уму,
Прошедших времён отраженья,
Иль без ума и сознания,
Об этом в стихах нет дознанья.

Евгений Карасев

Мокрый снег долетал до земли уже дождём
из мелких частых иголок.
Небо было в тучах. И только голубой проём
походил на льдины плывущий осколок.
Хотелось, как много лет назад,
остановить такси и, бухнувшись на заднее сиденье,
бросить бомбиле: «Кати, куда глаза глядят!» –
дав наперёд хапуге пачку денег.
Но мечтать, как слушать тосты,
в кармане не прибавилось ни грамма бабок.
...Мне кажется,
я мокну на забытой росстани.
И передо мной те же самые грабли.

Владимир Ром

Когда Вам кажется, что
Мокните на росстани,
И те же грабли выстроились в ряд,
Креститься надо и не говорить бомбиле
“Кати, куда глаза глядят”.
В кармане не прибавится бабок,
С мечты или прослушать тосты,
Не мокните под ледяным дождём,
Хотя и промелькнет над Вашей головой,
Безоблачный и голубой проём.

Евгений Минияров

отчего этот день как во сне слоится и замирает?
для чего так внимательны глаза леопарда?
какое слово он позабыл сказать?
кто передвинул солонку?
кто возмутил сограждан?
кто написал стихи?
я прохожу в сад предназначенный для вопросов
для мельканья теней для наслаивающихся случайностей
для одиноких раздумий
я подхожу оглянувшись к деревьям
я говорю им задуманные слова: поздравляю
вы неплохо устроились.

Владимир Ром

В день, когда всё как во сне слоится и загорает,
Прямо в глаза Вам внимательно смотрел леопард.
Кто позабыл сказать, передвигая солонку,
И возмутил людей, когда Вы шли на прогулку.
А потом в саду, предназначенном для вопросов,
От раздумий написал стихи слоистых торосов.
Деревьям, как своре людской, Вы сокровенно сказали
“Не плохо устроились на свой простой”.

Евгений Мякишев

Алкоголический психоз и несуразный детский бред
Любви язвительный мороз - спасут меня на склоне лет
От суеты и пустоты, от тщетных поисков огня,
От ложной, жалкой красоты спасут безумного меня.

Владимир Ром

Безумец Ты на самом деле, попутав от чего спастись
И в безграничный алкоголь пустился,
Не взвесив сколько лет Тебе.
К любви, огню и красоте конечно плохо относился
И несуразный детский бред венец, к которому
стремился.

Евгений Сабуров

Королева ко мне склонилась
на блюдо луга села
и спросилась
что мне снилось
когда она любовь посеяла
ветики ветики яблоч
я не слушал я сетовал
мол солнце село, село мол
не осталось лучей его сабель
Королева не поняла барда
круглым облачком блюдо луга пересекла
была дымом побыла гарью
лодкой-тузиком сплыла.

Владимир Ром

Ну конечно это снилось,
Что королева к Вам склонилась.
Вы запели про любовь
И про ветви яблонь вновь.
Когда солнышко садилось,
Лучами сабель всё пронзилось.
Блюдом разогнав все тучи,
Лодкой-тузиком проплыв,
Дымной гарью распустив,
В небе облаков пустыню.

Евгений Стрелков

Нет желания страдать и думать
И не хочется в грязи валяться
А в глазах последняя искра надежды
За которую обязаны цепляться
Не нужны пустые обещанья
И в любви клянутся те, кто нелюбимы
Ведь не знают боли расставанья
С тем с кем были час назад едины
Что же дальше? жизнь уже не сказка
Все кругом враги и грубияны
На лицо надета маска страсти
Убирающая видные изъяны.

Владимир Ром

И кому в грязи валяться хочется,
Тем, кто в любви клянутся, но не любят.
Ясно, нет желания страдать и думать.
Лучше водку пить и петь.
Не болтать пустые обещания,
Не страдать от боли расставания.
Все кругом враги и грубияны,
Это в жизни натуральные изъяны.
Чтобы жизнь всегда казалась сказкой.
Ты лицо прикрой довольной маской.

Евгений Туренко

Это влага такая – летая,
никуда и туда – запятая –
продолжается смежно и точно,
как бумажная почва,
таясь в пористый воздух – налево,
по-другому, наверно, на небо –
далеко, где от места до места
ни жеста.

Владимир Ром

Где от места до места ни единого жеста,
Далеко в небе пористый воздух.
Там, где влага такая летая,
Хоть туда, хоть сюда – запятая.
Никуда нам от жизни не деться,
Продолжая смежно и точно,
Пудрить людям мозги стихами,
Загрязняя бумажную почву.

Евгений Филимонов

Там, где у города в печёнках завод «Промкабель»,
заплесневелая речонка плетёт зигзаги.

Везёт усталая клячка бидонов штабель
там, где у города в печёнках завод «Промкабель».

Завод «Промкабель» как короста свербит, неистов,
трамвай звенит за поворотом своим монистом.

Его монисто и серёжки, цыганский бубен
оправлю шарканьем подошвы о сходни буден,

пройду под дымкою нечёткой к знакомой бабе,
там, где у города в печёнках завод «Промкабель».

Владимир Ром

Воздух запахом свербит от речонки,
Куда сбрасывает отход завод “Промкабель”.

Звон от телеги беспокоит народ, что везет,
Усталая клячка бидонов штабель.

Трамвай громким звоном будит народ,
Будоражит немую усталость.

Цыганский табор по пыльной улице бредёт,
В городе забытым Богом, где завод “Промкабель”

Евгений под дымкой нечёткой к знакомой бабе идёт,
Где у города в печёнках завод “Промкабель”.

Евгения Изварина

...не спрашива и не спеши,
живи темно, доверься невезенью,
почуяв, что все средства хороши -
пусти их по ветру,
на землю пролей вино, достойное тебя,
кувшины опрокидывай и старься,
и августом в занозах октября
- сквозным и несказуемым -
останься...

Владимир Ром

Все средства для поэта, очень хороши,
Ты не пускай по ветру и также не спеши.
Живи светло, не доверяйся невезенью.
Не лей вино на землю, веди себя достойно.
Вином наполни кувшины, не старься,
И сквозь года и месяца собой всегда останься.

Евгения Лавут

ночью плачет отребье
просит места в раю
разбухают деревья
как чайнки в чаю
кто-то вост и лаёт
в молоке декабря
кто-то ветку ломает
грубо дверь отворя
потихоньку калитку
крышу стену стекло
как подошвой улитку
по земле развезло -
хрустнуло и пропало
утонуло во мгле
до чего меня мало
мало в этом котле
в этом месиве свежем
в новом мира клочке
в реве, в хоре медвежьём
в страшном божьём зрачке

Владимир Ром

Вы ставите себя выше Бога,
Увидев всё в его зрачке.
Хотите от жизни много,
В Вашем жизненном клочке.
Слышите как отребья
Просит места в раю,
Как распустились деревья
И чайнки в горячем чаю.
Вас почему-то волнуют
Звуки разрухи везде,
Кто-то собак гоняет,
Ветки деревьев ломает,
Улиток подошвой давит,
Стены крушит и стекло.
В жизни не всё так плохо,
Есть позитивы везде.
Присмотритесь и прислушайтесь строго,
Есть красота в тишине.

Евгения Малиновская

недетское волшебство
и отрешиться стоит
боже
отмашка и вперед
и не кидай меня
обратно
согни как
ложку
взглядом
переплавь в клубок
алюминиевых нитей
вологодских кружев
треск
об лед
и думается мне, что зевс
мертв
а молнии в небо
кидает моя мама
вот такое кино
такие, милая комната,
листья клена

Владимир Ром

Там, где листья клёна,
Мама сидит в кино.
Молнии в небо бросает,
А Зевсу всё равно.
Ты в алюминиевых нитях
Волгоградских кружев клубок,
Ложку согнула взглядом
Треснув себя об лёд.
И отрешаться не стоит,
Отмашкой идя вперед.
Живи в волшебстве счастья,
Как живёт весь Российский народ.

Евгения Риц

Она всё время дышит и молчит,
Как будто пишет и молчать не хочет.
И позвоночник, зябкий, как графит,
У ней в душе так яростно стрекочет,
Как будто по-турецки говорит.
И стряхивая крошки на подол
И капли разовые с отзвуком фаянса,
Она умеет так себя бояться,
Как будто это дождь в неё ворвался
И там внутри намеренно пошёл.

Владимир Ром

Её нутро как дождь,
Ворвался с ветром и стрекочет,
Как будто турок с Кораном бормочет.
Все внутренности, позвоночник мочит.
И стряхивая капли-крошки на подол,
Со звуком розового фаянса,
В дребезги разбитого об пол.
Она молчит, хотя и дышит,
Графитом тихо стихи пишет.
В стихах желает закричать,
О том, что надо ей молчать.

Егор Кирсанов

перебирает вещи
думает:
динозавры
тонкие длинные слоги прошлого
ломкий египет простуды
просишь трамвая и молока
мечтаешь
вот мы на нем поедем
через остров
с озером на перекрестке
по улице фонарными светляками
трое близнецов
едят около дома
четвертый прыгает за картиной
повторяю нет ничего кроме нас
слоги складываются в слова
слова что-то значат
повторяю
нет ничего кроме нас

Владимир Ром

Нет никого кроме Вас,
И повторять не надо,
Вокруг Вас большая ограда.
За ней динозавры, Египет.
Улица с фонарными светляками.
По улице трамвай с близнецами,
Едет, как плывёт в картине,
В белой молочной тине.
К острову подъезжает лихо,
В слоги складывает тихо.
Нам написал Егор,
Мысленный свой вздор.

Екатерина Боярских

Я жонглирую на кухне,
для веселья, для окраски,
в потолок летит картошка,
настоящая красotka,
у нее такие глазки!
На плите живут кроссовки,
им сегодня примечталось,
что совсем-совсем немного
ждать зимы седой осталось.

Владимир Ром

От веселья и окраски,
Как у картошки Катюшины глазки.
Жарит на кухне она красовки,
Ждать до зимы и морозной тусовки.

Екатерина Челдаева

Ангел с похмелья- не адекватен.
Бродит растерянно в старом халате...
Крылья помяты и нимб набекрень.
Силится вспомнить- рабочий ли день?

Владимир Ром

Открытость Вашего лица
И глаз глубин проникновенье,
В названиях искренних стихов,
Души прекрасной откровенья.

Елена Аксельрод

Я не хочу, чтоб меня забывали
Те, кто меня в нетерпении звали,
Те, кому я становлюсь безразличной...
Но, умирая, рождаясь вторично,
Сквозь серпантинную спесь километров,
Сквозь парусинную занавесь ветров,
Переминаясь у края откоса –
Все надрываюсь, кричу безголосо:
Я не хочу, чтобы нас разделяли
Лет моих лишних витки и спирали,
Вас не забуду – пусть вы отдельно,
С вами я буду – ночью и днём,
В душу не вторгнусь, если не звали –
Я не хочу, чтоб меня забывали.

Владимир Ром

Вас не забудут, это уж точно,
Творчество чтиво днём и ночью.
Лет Ваших голос витки и спирали.
Сквозь серпантинную спесь километров,
Вы возродитесь поверьте вторично.
Ваши стихи всем нам не безразличны,
Будьте Вы с нами в творчестве вечно.

Елена Бингхэм

"Что им дороже: время?...деньги?
Какой сегодня курс на честь?
Где легче: в тихой деревеньке,
Иль где буТиков им не счесть?

Почём "идут" "простые" души?
Дешевле ль те, что "погнилей"?
Всегда ли видно им снаружи,
"Кто" прячется среди кровей?

А сколько стоит нынче правда?
Дороже ли она вранья,
Прикрытого бантом нарядным,
Средь суетного бытия?

Как там любовь? Любовь, надеюсь,
Ещё бесценна до сих пор?
Пора мне...до Земли провеюсь.",
Сказал и выпорхнул...на спор.

Владимир Ром
Наверно в министерстве Божьем,
Где службу ангелы несут,
Не существует вовсе денег,
Что сколько стоит не поймут.

Там категории другие,
Что в жизни свято, а что грех.
Только у нас откупишься за деньги,
От ангела услышишь только смех.

